

ПРОРЫВ

№23

(№2 2009)

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Банк и кредит становятся в одно и то же время и могущественнейшим средством, выводящим капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых мощных рычагов кризисов и надувательства.

*К. Маркс, «Капитал»,
том 3, глава 36, стр. 664.*

ч | и | т | а | й | т | е

В ЭТОМ НОМЕРЕ

К ВОПРОСУ *В. Подгузов*
О СУЩНОСТИ ДЕНЕГ
СТР. 2 - 11

ИЗМЕНЕНИЯ, *В. Антипов*
РАЗВИТИЕ,
ПРОГРЕСС
СТР. 12 - 21

ПОДЛИННАЯ *В. Новак*
ДЕМОКРАТИЯ РАВНОСИЛЬНА
ГОСПОДСТВУ ТРУДЯЩИХСЯ
СТР. 22 - 28

ПАМЯТИ *Е. Фадеев*
ДНЯ ПОБЕДЫ
СОВЕТСКОГО НАРОДА
В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
СТР. 29 - 32

Т. Кларк
Перевод - А. Лбов
АНТИБЮРОКРАТИЧЕСКИЙ
СЦЕНАРИЙ СТАЛИНА
СТР. 33 - 39

В. Заречный
«СОЦИАЛИЗМ
С РУССКИМ ЛИЦОМ»
И ЕГО ОБИТАТЕЛИ
ЧАСТЬ III
СТР. 40 - 49

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ДЕНЕГ

ИЛИ ЕЩЁ РАЗ ОБ ОСНОВНОЙ ПРИЧИНЕ КРИЗИСОВ

Валерий Подгузов

Нет ни малейшего сомнения в том, что о деньгах написано, к сожалению, больше, чем, например, о любви. Именно за литературу о деньгах сегодня можно получить больше денег, чем за литературу о любви. Попробуйте сегодня найти книгу о любви, в которой бы разговор о деньгах занимал второе место. Приходится признать неприятный факт - такой стала читающая часть человечества за последние двести пятьдесят лет. А спрос, как считают писатели, диктует им предложение. Однако вряд ли можно утверждать, что современная обильная повседневная научная и публицистическая литература сказала о деньгах лучше, чем некоторые поэты и прозаики о любви. Это обнадеживает.

Но как бы много не говорилось в литературе на тему денег, текущий экономический кризис, трагедии, которые, в связи с кризисом, постигли миллиарды людей, показали, что большинство человечества не знает о деньгах практически ничего полезного, а удручающее меньшинство удовлетворено знанием лишь одного свойства денег: их способностью накапливаться в руках частного лица в таком количестве, что сам хозяин начинает демонстрировать полную беспомощность в управлении своими же деньгами. Не исключено, что биографии Квантришвили, Кивилиди, Мавроди, Ходорковского, Карасева, Юшенкова, Козлова, сложились достаточно трагично именно потому, что они хорошо умели только считать деньги.

Почти сто пятьдесят лет тому назад К.Маркс

открыл «тайну денег», описал важнейшие их функции и ту роль, которую они играют в превращении экономики в разновидность американских горок. Он прозорливо предупредил человечество (более чем за пятьдесят лет до событий) о грядущих мировых кризисах войнах и революциях, но не был понят современниками. И только в 2009 году европейцы стали «сметать» с полок экземпляры первого тома знаменитого «Капитала». Правда, надежды на то, что они, наконец, что-либо поймут, пока нет. «Капитал», как указывал К.Маркс, понятен будет лишь тем, кто твердо решил РАЗОБРАТЬСЯ, в чем тут дело, а не в том, как спасти **свои** деньги в условиях кризиса. «Капитал» дал исчерпывающие ответы на вопрос, как спасти **ВСЕХ** от кризисов и войн, но именно это и не хотят знать многие современные люди.

Чтобы понять сущность денег настолько, чтобы превратить эти знания в рекомендации, способные избавить общество и, следовательно, каждого индивида от риска систематического погружения в периодически возникающие кризисы, необходимо знать, во-первых, что обозначает слово «сущность» вообще и как её искать (но для этого необходимо хотя бы прочитать «Науку логики», Гегеля), во-вторых, из каких объективных отношений и субъективных представлений деньги возникли как экономическая форма, и, в-третьих, что именно НЕДОПОНИМАЛИ люди в сущности денег, когда начали поклоняться им со рвением, превосходящим рели-

гиозный экстаз.

Но так было не только с деньгами. Например, долгие годы люди использовали асбест, зная о нем только то, что это легкий теплоизоляционный строительный материал. Легко представить «радость» производителей и строителей, много лет работавших с этим материалом, когда они узнали, что асбест - один из сильнейших канцерогенов¹. Так же дело обстоит и с деньгами. Многие олигархи отождествляют деньги с основной формой человеческого богатства и даже счастья, и только тогда, когда рэкетир ставит на живот богатому человеку уют и настойчиво задаёт вопросы о месте, где лежат деньги, собиратель денег начинает понимать противоречивую природу денег и то, насколько жизнь без денег **лучше**, чем смерть с большими деньгами. В такие моменты владелец денег предлагает своему палачу все свои деньги в обмен на одну лишь жизнь, не понимая, что грабитель планирует распорядиться и тем, и другим.

Сегодня интеллигентные люди, упиваясь своим гуманизмом, гордятся отменой смертной казни, но при этом положительно относятся к деньгам. В силу своего умственного инфантилизма, они не понимают, что деньги являются формой смертных приговоров, которые **ежедневно** приводятся в исполнение по отношению к сотням граждан, которых расстреливают ради отъема **денег**, или убивают потому, что **деньгами** оплачен заказ на расстрел.

Тем не менее, современный человек скептически отнесется к тезису о счастливой жизни без денег. Он живет с твердой верой в обратный тезис: счастье в деньгах, тем более, в очень больших. Современный человек, сидящий по самые уши в кризисе, даже намывливающий петлю, не способен, пока, понять, что и экономический кризис возникает там и тогда, где и когда деньги заменяют людям разум и счастье. Те, кто дочитали первый том «Капитала» хотя бы до середины, не могли не наткнуться на строгое доказательство Марксом того, что именно в свойствах денег коренится т.н. «формальная причина экономических кризисов» и, следовательно, весь шлейф сопутствующих человеческих трагедий. Иными словами, хочешь денег – готовься к кризису.

Для современного человека совершенно бессодержательным является утверждение, что для поддержания жизнедеятельности человека необходимы кислород, жиры, белки, углеводы, витамины, микроэлементы и средства термозащиты (одежда, жилище). Сегодня, из перечисленного, только кислород может поступить в организм человека без экономического посредника, т.е. без денег. Хотя, кислородные подушки для больных и баллоны для любителей «дайвинга» уже в цене. К тому же, если вспомнить фантастические произведения А.Беляева и известное кинопроизведение Голливуда, то вопрос о доступности воздуха не кажется окончательно решенным.

Современный человек, закрепостивший своё сознание основными постулатами рыночного либерализма, монетаризма, считает совершенно естественным, что поступление в организм белков, жиров, углеводов, витаминов и микроэлементов возможно **ТОЛЬКО** в обмен на **деньги**. Если денег нет, человек, именно в современном цивилизованном обществе, обречен, без преувеличения, на смерть от истощения, авитаминоза, жажды и переохлаждения, если, конечно, не будет копать в мусорных баках или заниматься проституцией и воровством. Но и тут проявляет себя идиотизм современного общественного устройства: укравшего еду сажают в тюрьму и только там его... бесплатно кормят. Причем, чем более цивилизованным считает себя общество, тем калорийнее и разнообразнее оно кормит тех, у кого отняли свободу. Именно в силу господства товарно-денежной формы отношений между людьми, во многих странах мира ежегодно возникают эпидемии голода. Но ООН ждет момента, когда начнется ужасный голод и только тогда, когда уже становится поздно, начинается бесплатный завоз и раздача огромных масс продуктов питания и воды сотням тысяч полуживых людей.

Каждую зиму, в большинстве столиц развитых демократических стран, людей, умерших от переохлаждения свозят в братские могилы, но денег на обогрев не выделяют. Летом же, в аномально знойные дни, в самых фешенебельных столицах демократического мира хоронят гипертоников, умерших от перегрева, поскольку у них не было денег для принятия порций душа, не го-

1. Вопрос о канцерогенности асбеста до сих пор остается полем «черного» пиара и конкурентной борьбы различных кланов в строительной отрасли. Производители асбеста ссылаются на то, что патогенный потенциал различных видов асбеста значительно различается (у амфиболов он в 100-500 раз выше, чем у хризотила). Производители альтернативных материалов лоббируют ограничения и запреты на все виды асбеста.

воря уже о возможности купить кондиционер.

Иначе говоря, голод и жажда человека в цивилизованном обществе, в том числе и голод ребенка, никогда не вызывал настоящий шок. Только показной. Голод и жажда постороннего индивида рассматривается большинством как их личное дело. Эти апробированные формы средневековых пыток жаждой и голодом оказываются недостойными системной реакции общества, если у «отдельных» миллионов субъектов, особенно в годы кризиса, нет денег. Более того, найдется достаточное количество людей, как говорил Некрасов, «обычного звания», которые видя голодного человека, остервенело наставляют: «Работать больше надо», не замечая, что кризис делает миллионы трудолюбивых - безработными. Большинство начитанных людей, временно пребывающих в рядах благополучных людей, как правило, с большим отвращением смотрят на голодных, мстительно цитируя то Крылова, то Пушкина: «Ты все пела?... Так пойдика, попляши!» или «Поделом тебе, старый невежа, а я всегда заработаю себе на хлеб». Современный человек живет надеждой, что его не выкинут из банковских офисов в дни кризиса в числе других десятков тысяч неудачников. А чтобы надежда не покидала его, он перед сном пьёт снотворное или водку, а утром, сломя голову, летит на рабо-

ту, думая, что боссу больше нечего делать, кроме как ценить его рвение.

Для современного человека не является сколь-нибудь доказательным тот довод, что многие **миллиарды** живых существ, от аборигенов до китов, ежедневно потребляют в необходимых объемах жиры, белки, углеводы, витамины и микроэлементы, не применяя деньги.

Можно ли считать, что прошедшая уже история есть, действительно, история людей разумных, если они умудрились вставить в свою пищевую цепочку звено из несъедобных бумажек, которые не избавили человечество от пандемий голода, не сделали людей добродушнее животных. Скорее, наоборот. Ни один биологический вид, при реальной нехватке пищи и воды (вот уже миллионы лет) не устраивает между собой ничего подобного тому (даже в местах массового совместного водопооя), что продемонстрировали люди в ходе первой и второй мировых войн. Идиотизм цивилизованных народов очевиден, если учесть, что еды рыночным странам хватило на несколько лет, чтобы, поклоняясь деньгам, бесплатно кормить миллионы солдат, которые в эти войны убивали друг друга «за веру, царя и отечество», за расу, за демократию¹.

Сегодня каждому интеллигенту, никогда не читавшему трудов Маркса, известно, что ком-

-
1. В этом ряду некорректно помянуть тех, кто шел в бой под лозунгом: «За Родину, за Сталина». Красная Армия - единственная, которая во вторую мировую войну воевала, ради **уничтожения**, в ближайшей исторической перспективе, именно **денег**, как формы экономических отношений.

Сегодня никто не оспаривает, что именно европейские фашисты уничтожили тридцать миллионов советских людей, а не наоборот. Одно это убедительно доказывает, что именно западная форма товарно-денежного устройства генерирует в большинстве людей качества маньяков. Красная Армия, оккупировав территорию Германии, Австрии, Венгрии, Румынии и Финляндии, имела все технические возможности, чтобы использовать их концлагеря для содержания в них всех, кто лояльно относился к фашизму, и содержать их в условиях, в которых они содержали советских военнопленных. Но коммунисты, по определению, не могли и не поступили, как европейцы в СССР. И поэтому все российские демократы представляют себя полными идиотами, ехидно обвиняя Сталина в отсутствии полководческих талантов на том лишь основании, что советских людей было убито фашистами больше, чем европейских фашистов советскими солдатами. Однако нетрудно представить, какое количество пленных немцев, итальянцев, венгров, румын, прибалтов мог бы уничтожить Сталин, если бы был воспитан как большинство европейских вождей. Сталин оказался настолько либеральным, что в некоторых европейских столицах, в том числе на Украине и Прибалтике, сегодня толпами ходят 90-летние живые гитлеровцы, пережившие «ужасы» сталинских лагерей.

Если даже попробовать представить лозунг коммунистов: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» как имперский, то и он предусматривал уничтожение денег во всей сталинской «империи». В мире нет такого прецедента, какой имел место в СССР. При Сталине в СССР после войны снижались цены на **ВСЕ** предметы потребления на 15-35% **ежегодно**. Тем самым уменьшалась роль денег в жизни **КАЖДОГО** человека. Т.е. некорректно помянуть Сталина в одном ряду с империалистами Муссолини, Гитлером, Черчиллем, Рузвельтом, организовавшими вторую мировую войну ради денег.

мунистическая теория открыто провозгласила стратегической целью всей коммунистической политики - освобождение человечества от власти денег. И хотя большинство интеллигентов до сих пор не понимают, что это означает, но все точно знают, что именно это, пугающее их положение, содержится в подлинных коммунистических программах всего мира.

Однако Сталин понимал, что денежный фетишизм глубоко поразил сознание населения царской России и, прежде всего, однобоко начитанных людей, поэтому он не стал уничтожать денежные отношения в один момент, как, например, попытался это сделать Пол Пот в Кампучии. Сталин, впервые в истории человечества, попытался с помощью культурной революции объединить и направить усилия, прежде всего, художественной интеллигенции России на разоблачение культа денег, денежного фетишизма и всей той мерзости, которую денежные отношения порождают в человеческих душах. Однако подавляющему большинству художников не хватило ума, знаний, таланта и человеколюбия, чтобы справиться с этой задачей. Многие из них сформировались в продажной, порочной среде царской России и, кроме того, как большинство представителей «богема», испытывали искреннее раболепие перед образцами и формами феодальных, паразитических стандартов быта.

Эти обстоятельства, как змеи-искусители, сформировали в сознании многих советских работников культуры и искусства, особенно в среде т.н. 50-60-ков, комплексы неполноценности, порочности и завистничества. Многие художники той эпохи творили натужно правильные, а следовательно схематичные, малохудожественные произведения потому, что не понимали сущности происходящего. Получая в Союзе писателей СССР свои большие, по советским меркам, оклады, сталинские премии и гонорары, они, устами героев-обывателей Аксенова, Войновича, Битова, Ерофеева грустно вопрошали: «Разве это деньги, разве на них отдохнешь с малолетками в Куршавеле, организуешь вакханалию, переходящую в оргию, разве на них закатаешь купеческое гулянье с цыганами в «Яме», разве на эти деньги заставишь лакеев кланяться в пояс? А вот на Западе, за свои романы, я бы...». Именно этими рассуждениями изобилуют откровения «столпов» отечественной культуры, когда они говорят о причинах, двигавших их в эмиграцию или на борьбу против власти Советов.

Коротко говоря, советской интеллигенции,

ни в научной, ни, тем более, в художественной форме не удалось добавить после Маркса ничего нового, существенного к пониманию сущности денег.

Что же осталось непонятым или умышленно обойденным современными теоретиками и практиками в теории Маркса о деньгах?

Рынок – стихия всеобщего, взаимного, сознательного надувательства

Многие так и не поняли, что высокая разрешающая способность теории Маркса базируется на научной **абстракции**, а не на взвешивании, обмере или рентгеноскопии. Одна из самых высоких степеней научной абстракции заключена в концепции закона стоимости, согласно которому товары на абстрактном рынке обмениваются эквивалентно количеству абстрактного, общественно-необходимого труда, затраченного на производство обмениваемых продуктов. Но это только научная **абстракция**, которая играет ключевую **познавательную** роль **лишь для ученого** при **теоретическом** определении им условия, при котором два качественно **разнородных, несоизмеримых** предмета могут быть обменены друг на друга в той или иной пропорции. Например, 100 кг пшеницы будут обменены на два топора, поскольку теоретически в них может содержаться равное количество абстрактного общественно-необходимого труда, затраченного на их производство.

Невозможно ошибиться, если предположить, что большинство современных образованных людей не понимают, что при делении любой величины на 2, только в абстрактном мышлении мы можем получить две равные половины. Только в абстрактной теории можно представить два равных абстрактных треугольника. В реальной действительности разделить что-либо на две абсолютно равные части невозможно. Эти части будут всегда объективно отличаться друг от друга, в том числе, и по величине. В природе нет и никогда не будет таких средств измерения, которые позволят доводить пропорции сопоставляемых объектов до абсолютного тождества.

Между тем, большинство советских экономистов рассматривали закон стоимости с таким

почтением, как будто в рыночной экономике, действительно, все строго следуют его абстрактному требованию. Практически все советские экономисты не поняли дальнейших рассуждений Маркса о том, что на самом деле товары продаются и покупаются на рынке не в связи с требованиями закона стоимости и, даже, не в связи с ценами производства, а в связи с соотношением спроса и предложения. Советские экономисты так и не поняли, что закон стоимости подобен красному свету светофора на перекрестке. Красный свет может и гореть, но это вовсе не означает, что он удержит нарушителя от наслаждения проехать на красный свет. Маркс лишь открыл, что закон стоимости действует, но только подобно крыше, **неожиданно** обвалившейся на голову, ничего не подозревающего человечества.

В реальности, в отношения обмена вступают люди, не имеющие ни малейшего научного представления о том, каковы затраты их абстрактного общественно-необходимого труда. Каждый из них обменивал на рынке и всегда будет обменивать свои продукты **«на глазок»**, приблизительно соизмеряя свои затраты и затраты своего конкурента. До сих пор все олигархи мира продают гигантские объемы своих товаров и покупают гигантские объемы чужих товаров, определяя их стоимость тоже **«на глазок» при помощи посредников-мошенников**. Совершенно ясно, что ни в одном акте реального обмена ни одному из участников не удастся добиться полной эквивалентности. Причем, **оба** товаровладельца, сознавая тщетность своих усилий по точному определению рыночной стоимости своего продукта, стремятся ещё и **обмануть** друг друга, **торгуются** именно с этой целью. Торг, т.е. продолжительные и эмоциональные препирательства товарладельцев по поводу пропорций обмениваемых товаров, как ничто иное, убедительно доказывает, что сами производители не имеют точного представления о стоимости своих товаров. Объективно, один из товарладельцев обязательно останется в проигрыше, на чем, собственно, и базируется теория и практика **конкуренции**. Для носителей рыночной психологии верхом мудрости и нравственности является следование формуле: купил подешевле – продал подороже, т.е. ни о какой эквивалентности в реальной рыночной экономике никто и никогда не думает с самого начала.

Примерно так же, как на ринге с самого начала допускаются и предполагаются обманные движения с целью нанесения последующего со-

крушительного удара, так и на рынке, сколько бы японцы учтиво не улыбались и не кланялись в ходе торгов, целью их улыбок и поклонов является получение односторонней выгоды, нанесение **непоправимого** ущерба объекту своей приторной вежливости, а по возможности, и полное его разорение.

Т.е. с научной точки зрения, **неравенство** стоимостных пропорций в обменных операциях есть абсолютный объективный закон рыночной экономики. Поскольку отношения обмена возникают между частными суверенными производителями, постольку они не могут найти иного способа решения проблемы количественных пропорций обмениваемых товаров, кроме как **согласиться** с одним из вариантов, поскольку торги не могут идти бесконечно. А раз у двух **неграмотных** товаровладельцев в процессе торгов возникает субъективное иллюзия эквивалентности обмена, то и у большинства либеральных **теоретиков** возникает иллюзия, что на рынке царит пропорциональность обменных операций. На этой **иллюзии** стоит и стоять будет вся рыночная экономическая теория.

Однако именно неравенство в действии стихийных сил и являлось основой всех форм разрушительных и созидательных движений в мироздании. Например, разница в уровнях сообщающихся водоемов, разница потенциалов в электрических батареях. Указанные неравенства породили прогресс, например, в мукомольном производстве, а неравенство электрических потенциалов вообще является движущей силой во всей современной электротехнике. Не порождает ли аналогичных последствий стоимостное неравенство систематически обмениваемых масс товаров в экономике?

Как известно, и никто с этим не спорит, люди от природы обладают разной степенью наблюдательности. **Менее** наблюдательные выходят на рынок, по простоте душевной, лишь для обмена продуктов своего труда на продукты иного конкретного труда, с иной потребительной стоимостью. Удовлетворив свои личные и производственные потребности, многие ненаблюдательные люди абсолютно равнодушно относятся к проблеме точности в определении пропорций обмена. Им хватает великодушия не делать из мниатюрных потерь – трагедию, как и не превращать случайный выигрыш в абсолютную цель своих дальнейших выходов на рынок.

Более наблюдательные люди не могут не сознавать, что в **каждом** из миллиардов обме-

нов, происходящих ежедневно на рынке, содержится погрешность и её суммарное значение к концу торгов принимает циклопические размеры. Оставалось лишь найти способ, каким случайную ошибку ВСЕХ товаровладельцев, можно было превратить в «курицу, несущую золотые яйца», т.е. в погрешность, улавливаемую ТОЛЬКО меньшинством наблюдательных людей. Разумеется, об этом не принято рассуждать вслух на базаре, но все **наблюдательные** люди в тайне от общества мечтали и мечтают именно об этом.

Однако ясно, что пока на рынке господствовал обмен натуральными продуктами, как сейчас говорят, бартер, и сам рынок занимал ничтожный процент в обороте материальных богатств рабовладения и феодализма, не су-

ществовало и решения этой задачи. Совершив обмен натуральными продуктами, нарушив требования неведомого никому абстрактного закона стоимости, товаровладельцы расходились, не ведая, что один ушел с рынка с микроскопической прибылью, а другой с такой же микроскопической убылью. Отсутствовал экономический инструмент, позволявший аккумулировать в одних руках всеобщее заблуждение относительно проблемы эквивалентности обмена.

В те эпохи все сознавали, что богатым можно стать только тогда, когда ты **силой** отнимешь у других народов все их земли, рабов и другие материальные ценности, особенно предметы роскоши, или обложишь данью города, и тем самым, сконцентрируешь микроскопические «излишки» всех горожан в единый «ящик».

Кроме того, в те времена абсолютное большинство производимых продуктов, имевших важное значение для жизни людей, не обладало физической способностью к превращению в сокровища. Ни зерно, ни скот, ни, тем более, овощи и фрукты, хлопок и шерсть, пиво и мед, не обладали свойствами, которые позволяли бы накапли-

вать эти продукты до бесконечности, что, обычно, и отождествляется с процессом обогащения. Как показала практика, накопление любого из названного продукта лишь увеличивало бы расходы на содержание таких форм «богатства».

Представим, что ловкий сапожник обманул пьяного производителя капусты примерно в миллион раз и за одну пару сапог выменял у него миллион тонн натуральной капусты, а тот не заметил подвоха. Многие нынешние правоверные рыночники потрут от удовольствия руки и ска-

жут, что они бы за этот миллион тонн натуральной капусты выменяли бы много других натуральных продуктов. Современные спекулянты не понимают, что в те экономические эпохи гору капусты можно было обменять

только на гору натуральных продуктов (мед, яйца, груши, зерно, шерсть), да и то, если бы они были на рынке в достаточном количестве, ведь многие тысячелетия человечество занималось ручным трудом и не производило излишков, неизмеримых с современной нормой прибыли. Поэтому в эпоху зарождения обмена никому в голову не приходила идея **крупного обмена** на рынке ради приобретения гор яиц, меда, капусты, даже зерна и шерсти, поскольку ВСЁ это было **тленно** и по своим физическим свойствам не могло образовывать сокровища. Представьте, например, пиратов Карибского моря, зарывающих на необитаемых островах сундуки с зерном, шерстью и кувшины с оливковым маслом.

Однако, когда серебро и золото на рынках стало появляться в достаточном объеме, когда проявились основные их экономические свойства как редкого и трудоемкого продукта, принимаемого в обмен на любой другой продукт, наблюдательным людям стало ясно, что, наконец, появился физический материал, монополизировав который, можно превратить свойство **всех** товаровладельцев **ошибаться** при определении

стоимости и **своего**, и **чужого** товара, в односторонний устойчивый процесс.

Наблюдательным людям стало понятно, что, в отличие от многих скоропортящихся, но необходимых продуктов, золото, как продукт производства, может накапливаться в огромных количествах, не портясь от сроков хранения, превращаясь в сокровища и делая их владельцев диктаторами на рынке. Более того, придерживая золото, его владелец не рисковал остаться голодным, зато остальные производители рисковали своими товарами и стремились как можно скорее обменять свой товар за золото, пусть даже подешевле. Т.е. как ни «странно», не производители реальных ценностей «взяли за горло» остальных «потребителей», а собственники золота взяли за горло всех производителей скоропортящихся продуктов, обладающих реальной пользой. Сегодня не промышленники держат банки на голодном пайке, а наоборот, банки не выдают промышленникам кредиты и, при наличии всего необходимого для производства, заводы останавливаются, поскольку у них нет бумажек под названием «деньги».

В литературе же господствует пастораль о том, что продавцы реальных товаров приветствовали денежное обращение потому, что оно создавало для них **удобство**, ускоряя процесс продаж, а не потому, что их **вынуждали** продавать ускоренно товар за безусловно маленькие деньги. Ежегодное разорение сотен тысяч современных мелких фермеров во всех рыночных странах мира, доказывает, что фермеры вынуждены «продавать» свои скоропортящиеся продукты по бросовым ценам перекупщикам, иначе товары вообще сгниют на подступах к рынку.

Кроме того, большинство современных авторов отмечает, что золотые деньги заняли свое место на рынке потому, что они создавали удобство для товаровладельцев, позволяя им продавать свой товар, не дожидаясь пока на рынке появятся иные товары, ради приобретения которых первые товаровладельцы, собственно, и вышли на рынок.

На самом деле все обстоит иначе. Как только наблюдательные торговцы установили, что предложение обычных товаров стало склоняться к оптовой торговле за золото ради экономии времени, т.е. как только они заметили повышение спроса на золото, они стали использовать эту возросшую неряшливость в оценке стоимости со стороны всех продавцов обычных товаров, т.е. стали постоянно повышать обменную пропорцию

в пользу своего золота. За постоянно **снижающееся** весовое количество золота они забирали все **большее** весовое количество других продуктов. Более того, обман оптовых покупателей был достаточно скоро и услужливо возведен теоретиками в ранг «закона» убывающей полезности. То есть, было объявлено, а доверчивые, ненаблюдательные люди, как всегда приняли все за чистую монету, что появление на рынке каждой новой порции однородного товара снижает его цену. Дело старались представить так, как будто, действительно, существует какая-то «невидимая рука рынка», и она снижает цену тех товаров, которые появляются позднее. Ясно, что «зная и понимая» этот «закон», все товаровладельцы стараются попасть на рынок первыми, чтобы продать оптовому свой товар по «высокой цене».

Они не понимали и не понимают, что если даже все торговцы представят свои товары на рынок **одновременно**, то, все равно, оптовый купец начнет торговаться с одним из продавцов, и потому на каждого последующего продавца начнет распространяться действие «закона» убывающей полезности. Теперь каждый последний продавец «знает» и потому смиряется с правом купца платить совсем маленькие деньги. Мелкие производители не понимают, что скупив у них оптом относительно мелкие порции одного и того же товара по неуклонно снижающимся ценам, оптовый купец, особенно если он монополист, выкинет этот товар на других рынках большими порциями и по одной высокой цене. И его не смутит «закон» убывающей полезности, поскольку он писан только для доверчивых дураков.

Так воплотилась в жизнь вековая мечта отдельных наблюдательных людей – превратить случайные хаотичные ошибки **всех** производителей при стоимостной оценке своих товаров в систематические, односторонние, постоянно растущие, усиленные психозом теории и практики «снижающейся полезности», «предельной полезности» и т.д., уловить эти погрешности при помощи обмена на нетленный товар (деньги) и сосредотачивать эти погрешности в виде денежной формы **прибыли** в руках постоянно **сужающегося** круга частных лиц.

Так возник класс **купцов**, т.е. людей, которые вообще переселились из сферы производства исключительно в сферу обращения и монополизировали за собой право покупать у всех остальных производителей товары за золотые

монеты, т.е. делать из производителей натуральных продуктов хронических носителей **обязанности ошибаться** в расчетах, относительно истинной стоимости своего продукта. То, что первоначально было свойственно всем обменивающимся субъектам, т.е. ошибка в расчетах, превратилось в печальную обязанность большинства тех, кто прохладно отнесся к изучению свойств золота как товара, сосредоточившись лишь на его загадочном блеске и, якобы, «удобстве». Русские лингвисты могут гордиться своим «великим и могучим», применившим ясное и понятное слово «купец» для обозначения лица, функция которого состоит именно в том, чтобы осуществить операцию, которая и делает его господином положения в среде недостаточно образованных производителей. Если посмотреть на процесс со стороны финала, то создается впечатление, что купец получает прибыль тогда, когда он продает товары. На самом деле, купец станет продавцом только после того, как ему удастся побыть купцом и осуществить закупку продуктов по цене ниже цены розничного рынка.

С появлением слоя профессиональных купцов нарушение пропорций обменных операций превратилось в «игру в одни ворота». Есть все основания утверждать, что слой купцов был образован теми людьми, которые раньше других увидели в деньгах свойство, не только накапливаться и не «портиться», но и накапливать в руках их владельца менее трескучую, чем политическая, но более эффективную - экономическую **власть** над всеми потребителями, в том числе и над предпринимателями-производителями. Удобство этой формы власти заключалось в том, что большинство ненаблюдательных производителей товара превращалось в активных представителей СПРОСА на деньги, а раз все внезапно воспылали этим спросом, то, ясно, цена на металлические деньги систематически **росла**, в то время, как оптовая цена на натуральные товары систематически **падала**.

На рынке, наконец-то, установился прочный принцип, когда за постоянно сокращающееся количество металлических денег оптовые купцы приобретают растущее количество товаров у мелких производителей. Т.е., когда появились металлические деньги, и определение цены товаров превратилось для большинства уже совсем в непостижимую «китайскую грамоту», купцы начали покупать товары у производителей по пониженным ценам, а затем выносить эти товары в ту часть рынка, где они не производились, и

меняли товары на золотые деньги иных покупателей, но уже по повышенным ценам.

Нетрудно представить, за какие гроши, например, китайские купцы приобретали шёлк и фарфор у своих забитых ремесленников, кому и за сколько они продавали эти товары в Европе, тем более, что во времена функционирования Великого шёлкового пути, Европа могла покупать у китайских купцов именно за золото, поскольку сама не производила ничего такого, что могло бы удивить китайскую знать и купцов. Даже Венеция в эпоху своего экономического расцвета могла похвалиться лишь некоторыми сортами стекла и кружевами.

Совершенно закономерно, что служащий Флорентийского торгового дома Барди Франческа Паголотти, вернувшись домой в 1355 году после восьмилетнего путешествия по Великому Шёлковому пути, написал подробную книгу: *«Практика торговли, или сочинение о далеких землях, торговых мерах и других предметах, сведения которых необходимо купцам всех стран»*. Не исключено, что в малограмотной Европе эта книга стала бестселлером среди узкого круга заинтересованных лиц и сыграла важную роль в ускоренном развитии верхушки купечества эпохи Возрождения. Видимо, Франческа в значительной степени осознал, что является самым технологичным в купеческом деле Восток. Он особо выделил высокую роль манипуляций с «торговыми мерами», т.е., прежде всего, с ценами и поэтому его можно считать важным теоретиком-провокатором эпохи Возрождения торгашеского духа Запада.

Если же проанализировать основные направления походов Александра Македонского, осуществленных в максимальной исторической близости к началу функционирования Великого шёлкового пути, то и здесь мы получаем основания для вывода, что в 4-3 веках до нашей эры слухов о диковинных товарах, производимых в странах Западной Европы, не было. Поэтому на Запад Александру можно было не ходить. Даже Рим не славился производством тех видов роскоши, которыми мог похвастаться Восток. Можно даже предположить, что китайских купцов в Европе в те времена привлекала, прежде всего, и именно, возможность безбожно надувать местных, неискушенных в «торговых мерах» западных феодалов, а не товары западных ремесленников. Однако европейские ученики оказались бессовестнее своих учителей в вопросах меры обвеса и обсчета покупателей. Европейцы осво-

или китайское изобретение, бумажные деньги, глубже и масштабнее самих изобретателей, и очень скоро приспособились обесценивать, обмеривать и, следовательно, разворовывать Восток эффективнее, чем это делал древний Восток по отношению к древнему Западу.

Если не быть формалистом в терминологии, то есть все основания, чтобы неэквивалентный обмен на рынке называть одной из форм воровства. В классическом карманном воровстве вообще не предполагается эквивалентности. Просто из вашего кармана достаются деньги. В случае же розничной торговли у покупателя из кармана изымаются безвозмездно не все деньги, а только их часть. Но эту часть розничный покупатель отдает купцу-продавцу добровольно. Поэтому и создается иллюзия, что торговля не воровство, а эквивалентный добровольный обмен денег на эквивалентное количество товара. Ограбление же не ощущается, прежде всего, потому, что всем ограбленным кажется, что они безупречно ясно представляют истинное содержание торговых операций. Их не проведешь! Им всё «ясно и понятно», как в аксиоме Евклида, с той только разницей, что Евклид ставил перед собой задачу ни в коем случае НЕ обманывать учеников, а купец, напротив, задаётся вопросом, как в любом и каждом случае обесценивать и обвешивать покупателя в **возрастающем** масштабе, но чтобы в сознании жертвы царил вечный покой.

Следовательно, каким бы шокирующим не казался этот вывод: основная причина существования материального богатства и бедности в мире – торговля. Сам предмет торга - **уровень**, на который купцу-продавцу удастся **обмануть** покупателя. Ни одна из ассоциаций преступного мира, ни даже пираты, ни конкистадоры не смогли создать себе такого источника **постоянно** возрастающего богатства, какой создали себе купцы: **неэквивалентный** обмен.

Первым историческим типом сознательно неэквивалентных экономических отношений было простое карманное воровство на базаре. Последним типом подобных, наиболее эффективных неэквивалентных отношений являются между банками, страховыми компаниями, ПИФами, пенсионными фондами и племенем дремучих вкладчиков. Мировая практика последних лет накопила массу фактов, когда банки и прочие подобные финансово-кредитные учреждения просто собирали деньги с вкладчиков, пайщиков,

акционеров и... принципиально не возвращали их ни под каким предлогом. Митингующие обманутые вкладчики – визитная карточка любого развитого цивилизованного рынка.

Карманный вор использует только ловкость рук и надеется только на то, что его не заметят. Биржевой игрок, банкир - воры высшей квалификации, которые умудрились узаконить свой способ обворовывать и сделали виновным самого обворованного, лишив его, по закону, права на апелляцию.

Именно в денежном обращении был найден способ, рассчитанный на абсолютных дураков и доводящий диспропорциональность обмена до его возможного максимума. Для современного рынка ценных бумаг является типичным, когда абсолютно ничего не стоящие бумаги, т.н. «мусорные акции», обмениваются на валюту, ликвидность которой признают все остальные индивиды. Для наблюдательных людей эта операция смешнее, чем любой первоапрельский розыгрыш. Но современные профаны относятся к бирже, как к теории Эйнштейна: ничего не понимают, но свято верят, что их не разыгрывают. Эти сотни миллионов профанов, особенно в Америке, и отдали накануне кризиса всю свою ликвидную наличность владельцам «ценных бумаг», т.е. отдали более или менее ликвидные деньги за... ничто.

Т.е. то свойство денег, которое закрепило за большинством населения планеты право отдавать большую ценность за меньшую ценность, в годы кризиса доводится владельцами основной массы денег до абсолюта. В последнем акте предкризисной комедии производители «ценных бумаг» продают их населению, как товар, у которого, якобы, не только текущая цена «страшно высока», но и в недалеком будущем эта цена грозит вырасти еще больше. Однако именно продавцы ценных бумаг **заранее** знают, что их бумаги именно завтра утратят свою «ценность». Тем не менее, все рейтинговые агентства успокаивают покупателей ценных бумаг и предлагают им покупать объективно обесценившийся товар за еще не обесценившиеся деньги.

Текущий кризис возник именно потому, что большая часть населения, в том числе мелких и средних предпринимателей мира, осталась, практически, без денег, а деньги, в силу своего коренного свойства, обмениваться неэквивалентно, сосредоточились в руках меньшинства, ко-

торое теперь вообще не знает, что делать с триллионами долларов, евро и рублей.

Заключение

Могут, конечно, сказать, что частое использование автором слова «наблюдательные» применительно к мошенникам, недостаточно полно характеризуют их духовную преисподнюю. Увы, одной лишь жадности и мизантропии совершенно недостаточно для создания механизма устойчивого легитимного обсчета большей части человечества, в том числе и либеральной интеллигенции. Нужно соединить жадность и подлость с дьявольской **наблюдательностью**, чтобы постоянно искать и находить слабые места в мышлении современных людей, чтобы хладнокровно использовать миллиарды наемных головоуток, мелких бизнесменов, чтобы на их глупости осуществлять всеобщую ваучеризацию, строительство финансовых пирамид, ПФФов, пенсионных фондов и т.п. улавливателей денежных накоплений населения, как это делали Чубайс, Мавроди, Ходорковский, Медофф и др.

Если коротко сформулировать основной вывод, который бы следовало читателю сделать, размышляя над сущностью денег, то его можно свести к следующему: подобно тому, как у вора основным «инструментом» получения неэквивалентных доходов является ловкость рук, у грабителя - револьвер, бейсбольная бита, у «медвежатника» - «фомка» и «гусиная лапка», деньги есть **инструмент** для малозаметного, но наиболее эффективного перелива стоимости из карманов всех граждан в карманы постоянно сужающейся прослойки финансовых олигархов.

Этот вывод ничего не отменяет в том великом открытии Маркса, что деньги, действительно, обладают всеми теми функциями и свойствами, которые сформулированы в первом томе «Капитала». Однако, по странному стечению обстоятельств, подавляющая часть советской и мировой интеллигенции не учла предостережений Маркса о том, что глава о простой случайной форме стоимости, имеющая решающее значение для понимания сущности денег, написана в «Капитале» настолько популярно, насколько это вообще позволяет материал. Иначе говоря, на самом деле, понятие стоимости требовало от лю-

дей совершенно непопулярных, а диалектических усилий при изучении этой проблемы. Но, в лучшем случае, советские интеллигенты зазубривали определения из «Капитала», не прилагая усилий для того, чтобы полнее понять гения. Цена этого недопонимания – реставрация капитализма в СССР и нынешний мировой экономический кризис, грозящий перерасти в новую мировую войну. Такова цена интеллектуальной лени, перерастающей в невежество.

В последние месяцы все мировые СМИ с ехидцей комментируют планы правительств и президентов по борьбе с кризисом. Можно подумать, что если журналистов сделать министрами и президентами, они быстро усмирят кризис. Основным вопросом, который высмеивается в СМИ, является вопрос о том, куда и сколько нужно направить денег, чтобы начался процесс оживления экономики. Журналисты делают вид, что они то знают, куда и сколько нужно направить.

Видимо, еще пару сотен лет либеральные журналисты, президенты и премьеры всего мира так и не поймут, что главной причиной возникновения кризиса в рыночной экономике является сам механизм товарно-денежных отношений. Говорить о наличии какого-то «хорошего» способа вливания денег в кризисную экономику это все равно, что ставить капельницу пациенту с диагнозом – инсульт или советовать пожарникам, как лучше залить горящий дом мощной струей... бензина.

Почему советская экономика до Горбачева не знала экономических кризисов, которые каждые несколько лет сотрясали рыночные экономики развитых стран мира. Только потому, что построенная Сталиным плановая экономика, особенно её промышленность, демонстрируя самые высокие темпы развития в истории человечества, пользовалась только безличным расчетом. Ровно в той мере, в какой Хрущев стал насаждать хозрасчетные, реальные денежные отношения «для ускорения строительства коммунизма» в СССР, в этой же мере началось замедление темпов экономического развития страны. Когда же Андропов вообще заменил плановую экономику хозрасчетной – экономика СССР стала... капиталистической и теперь, как все цивилизованное человечество, сидит по уши в экономическом кризисе и удивляется.

ФИЛОСОФИЯ

ИЗМЕНЕНИЯ, РАЗВИТИЕ, ПРОГРЕСС

Владимир АНТИПОВ

Каждому поколению политиков хотелось бы думать, что именно им удалось, наконец, достичь предельных вершин в организации общества. Однако, практически, каждое **последующее** поколение политиков не только умудрялось сформировать иное устройство общества, но и стремилось развенчать управленческую славу своих предшественников. Поэтому историкам и археологам ничего не остается, как констатировать факт существенных **различий** в организации жизни любого этноса в разные времена его истории.

Разные народы претерпевали **изменения** не синхронно, и потому, исследуя каждый конкретный момент всемирной истории, наука вынуждена была констатировать факт сосуществования и противоборства народов с **различными** укладами материальной и духовной культуры. Эта «пестрота» форм организации общественной жизни разных этносов в один и тот же момент истории порождает в обыденном сознании иллюзию господства крайнего субъективизма в устройстве социумов, отсутствия причинности, системности и последовательности в этих изменениях. На самом деле, имела место лишь разница темпов движения сообществ в рамках одних и тех же законов движения. В настоящее время наличие большого количества международных организаций всемирного и союзов регионального характера подтверждает господство тенденции сближения уровней развития большинства народов и универсальный характер объективных законов трансформации общества.

Признавая факт изменчивости общественно-го устройства, теоретики ведут продолжитель-

ный спор о том, как происходят эти изменения, эволюционно или революционно, количественно или качественно, по форме или по сущности. Сегодня большинство теоретиков, в том числе и российских, в своих публичных выступлениях склоняются к признанию господства эволюционных форм развития, настаивая на том, что эволюционный путь изменений - наиболее рациональный, эффективный и гуманный. Однако эволюционисты не объясняют причины, а просто «обругивают» периодически повторяющиеся факты скачкообразных изменений, подобных революции под руководством Кромвеля, «Великой французской буржуазной революции», «промышленной революции в Англии» или «социалистической революции в России». Чаще всего, подобные факты истории объявляются происками отдельных политических авантюристов, спровоцировавших народы в то время, когда всех этих исторических «потрясений» могло и не быть. Одновременно, западная эволюционистская литература совершенно спокойно реагирует на организаторов «оранжевой революции», «революции роз», «революции тюльпанов», молдавских погромов и т.п. Такую избирательность можно объяснить либо ангажированностью большей части эволюционистов, либо тем, что, на самом деле, эти «революции» ни в коей мере не являются революциями.

Консерваторы, при решении вопроса об эволюции, исходят из того, что всякая эволюция ведет к революции, а потому делают все от них зависящее, чтобы формы общественных устройств вообще пребывали в неизменном состоянии. Однако, протестуя против эволюционных

изменений, даже консерваторы вынуждены признавать изменения уже произошедшие в обществе и зафиксированные исторической наукой.

Большинство современных ученых пришло к выводу, что для характеристики **сущности** этих **изменений** правомерно применять категорию «**развитие**». Сегодня уже не часто встретишь теоретиков, которые отрицают, что **сущность** следующих друг за другом актов наиболее представительных общественных **изменений**, произошедших в истории человечества, соответствует понятию **развитие**.

Обычно, под словом «развитие» подразумевают изменения, которые происходят по принципу от примитивного к совершенному, от наивного к зрелому, от единичного к всеобщему, от зародышевых форм ко всё более полному (исчерпывающему) проявлению своей качественной **определенности**, т.е. от рождения к зрелости и отмиранию.

Однако нельзя отрицать и тот факт, что история отдельных народов, в локальных случаях, включает изменения и по обратному принципу: от нового к старому, от совершенного к примитивному. Но подобные изменения в истории были относительно краткосрочными, не имели планетарного распространения и, тем самым, доказывали свою случайность, непричастность к феномену **развития**, хотя своими наглядными разрушительными последствиями, как правило, способствовали ему.

Последователи гегелевской философии распространяют понятие развития на все те случаи, когда нечто прежнее оказывается **замененным** новым, качественно отличным от предыдущего состояния объекта, **противоположным** ему, т.е. через скачок по принципу «отрицания отрицания». Этот взгляд до сих пор остается предметом острой полемики в среде теоретиков и политиков.

Однако современная теория не ограничивается признанием категории **развитие**, как исчерпывающей на «экспоненте» понятий данного рода. Для характеристики **стратегической, ведущей** тенденции развития, происходящего в обществе, используется понятие **прогресс**. Но не всякий случай развития следует называть прогрессом.

Словом «развитие» правомерно обозначать и такой порядок событий, при котором, например, патриархальное рабовладение заменяется классическим, имперским, демократическим рабовладением Греции, Рима или США. Такова логика развития всякого рабовладения: от мягкого к жесткому, от эпизодического к системному, от ло-

кального к всеобщему. Но вряд ли ужесточение, повышение экономической эффективности рабовладения можно отнести к числу прогрессивных явлений. А вот **момент** замены рабовладения феодализмом, несомненно, является моментом прогресса. Но, по мере своего развития, феодализм сам превращается в анахронизм. Такова судьба всех форм общественного устройства. Даже теоретики марксизма-ленинизма, не раз обвиненные в догматизме, не возводили коммунизм в ранг последней стадии общественного прогресса. Напротив, они утверждали, что с победой полного коммунизма закончится предыстория человечества, и начнется его собственная история, т.е. более динамичная и продуктивная часть собственно **человеческой** истории, не ограниченная никакими «измами», поднявшаяся над «законом джунглей» и другими атавизмами. Маркс доказал, что капитализм порождает целую эпоху социальных революций, в результате которых установятся общественные отношения, избавленные от пут частной собственности. Но не утверждал, что коммунизм будет последней формой общественных отношений.

Научное сообщество еще не пришло к строгому и общепризнанному толкованию сущности развития в форме **прогресса**, но разброс мнений неуклонно сужается, критерии все чаще признаются оппонентами, и поэтому отличать грешное от праведного, прогресс от регресса стало проще, чем, скажем, в период, когда веками пылали костры инквизиции, или когда колониализм, расизм, фашизм рассматривались гигантскими массами **населения** цивилизованных стран Европы и Америки как вполне естественные, нормальные явления общественной жизни.

Слово «прогресс» применимо к тем случаям развития общества, когда существенно возрастает социально-экономическая однородность общества (*и хотя пиаровские клише - «общество всеобщего благоденствия», «общество равных возможностей» - приняты были в литературе, прежде всего, для пропаганды образа жизни в США 70-х годов, тем не менее, в этой формулировке содержится невольное признание принципа **однородности**, как **необходимой предпосылки социальной бесконфликтности**, как критерия степени прогрессивности общественного устройства*), при которой все члены общества приобретают относительно широкие возможности для удовлетворения своих основных потребностей, для реализации основных качеств своей личнос-

ти. Сегодня к числу наиболее прогрессивных стран относят те страны, в которых слабее выражены религиозно-националистические противоречия, прозрачнее юридические системы и гражданские отношения, выше роль и уровень развития науки, где целенаправленное происходит **очеловечивание** общества. Для общества, идущего по пути прогресса, типично поэтапное возвышение меры над стихией, науки над мракобесием, созидательности над паразитизмом, искусства над примитивизмом.

Сегодня укрепление тенденции прогрессивного развития находит своё подтверждение в том, что все меньше избирателей цивилизованных стран отдают свои предпочтения консерваторам, а тем более, явным реакционерам. Уже одно то, что идея расизма воспринимается большинством избирателей, как неприемлемая даже в США, свидетельствует о значительных **прогрессивных** трансформациях, произошедших в общественном сознании в области постижения сущности человека. Однако до сих пор информационное поле изобилует взаимными обвинениями политических деятелей и народов в воспрепятствовании прогрессу, при этом, каждый из полемистов заявляет о состоятельности только СВОЕЙ модели прогресса.

Инстинкты, сознание, прогресс

Изменение форм общественного устройства происходит на практике не раньше того, как свежие или «свежие» консервативные идеи пройдут через индивидуальное сознание и будут в той или иной мере усвоены большинством. Однако, даже пройдя через сознание каждого индивида, информация в каждом конкретном случае получает истинное или ложное толкование. На этой основе возможны, как минимум, два варианта развития событий: временами общественная практика индивидов будет соответствовать объективным и субъективным предпосылкам, а временами противоречить им. В значительной степени именно этим объясняется господство синусоидального типа развития общественных систем: от взлета к падениям, от побед к поражениям.

Устойчивое различие между индивидами в навыках усвоения и обработки информации порождает устойчивое различие в их обществен-

ном положении. Бесспорным является факт наличия «верхов» и «низов» общества, узкого круга управляющих и широких масс управляемых. Менее очевидным является вопрос о дистанции между сознанием вождей и масс. Всегда ли сознание вождей истинное, а сознание масс ошибочное и наоборот? Деление общества на людей «великих» и «обыкновенных» представляется большинству наших современников настолько естественным и внеисторическим, что не так давно миллионы россиян с воодушевлением участвовали в проекте, в котором пытались отождествить Россию с именем какого-нибудь одного лица. Нужно было видеть, с какими пафосом Михалков воспевал гениальность Столыпина и, характеризуя главные достижения его эпохи, с восторгом истинного интеллигента, благоговейно произносил: «... восемьдесят килограммов мяса на человека в год...». А уж про севрюгу с хреном и говорить не приходится.

Но, как говорится, есть гении и гении. Одних гениев современники признают от выборов до выборов, охотно меняют их, а другие гении остаются в веках. Одни гении удачно улавливали сиюминутные настроения и масс, и «верхов», некоторое время спекулировали на этих настроениях, в то время как другие гении создавали доброе, умное, вечное.

До сегодняшнего дня **истинные** гении тянули и тянут «воз» общественного **прогресса**, периодически восходя на «костры», переживая периоды обструкции, или с поднебесья созерцая картины триумфа своих идей. **Ложные** гении, напротив, удерживают общественное сознание в состоянии **воинствующего** заблуждения и, зачастую, эффективно тянут общество в сторону от магистральной линии развития. В силу этого обстоятельства и интеллектуальной ограниченности массового сознания, общественная практика до сих пор развивалась и развивается **импульсивно** в противоборстве прогрессивной и консервативной тенденций. Чем ниже уровень индивидуального сознания **большинства**, тем ближе оно к ошибкам на практике, тем труднее оно усваивало идеи и факты действительного прогресса, тем интенсивнее оно мечется между вождями. Уже несколько лет, например, украинские избиратели пытаются решить бессмысленную задачу: выбрать между Ющенко, Тимошенко и Януковичем, не имея научных представлений о своих истинных социальных потребностях. Сегодня эти попытки выглядят забавно, хотя не забавнее, чем избрание россиянами Б.Ельцина

президентом РФ, особенно в 1996 году, когда уже многим было ясно, что он просто алкоголик.

Общество вырачает лишь то объективное обстоятельство, что сознание физиологически здоровых людей способно, **в конечном итоге**, адекватно отразить бытие в своем сознании и, следовательно, под воздействием социальных трагедий, массы могут придти к **истинным** суждениям о вождах и явлениях жизни, вопреки стараниям пропагандистов. По крайней мере, население Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, Украины и Молдовы никогда не было столь политизировано, как сегодня. Значительная часть населения этих регионов буквально погрузилась в **практику** политической борьбы. Фашизм, ваххабизм, коммунизм, оппортунизм, терроризм... Все по-настоящему. Сегодня даже в среде российской интеллигенции, привыкшей к кухонной форме участия в политической демагогии, уже трудно найти субъектов, живущих лозунгами демократов 80-х годов: «Запад нам поможет» или «Рыночная экономика сделает всех богатыми и счастливыми». В пределах СНГ под воздействием людоедской практики медленно, но существенно меняется содержание общественного сознания. Растущие массы людей выходят на митинги, напряженно учатся осмысливать и оценивать призывы лидеров, участвуют в многомесячных изнурительных акциях за переустройство политической системы общества «под себя», а не под вождей и без расчета на немедленное материальное поощрение. Повсеместно либерально-демократические ценности утрачивают авторитет в глазах избирателей.

В меру политизации сознания большинства граждан, роста их социальной, в т.ч. и митинговой, активности формируются предпосылки к очередным крупным общественным изменениям. Т.е. **происходит постепенное, стихийное сближение содержания фундаментальной теории общественного развития и массового сознания**. Строго говоря, коммунисты еще не научились целенаправленно соединять научную теорию с практикой политической борьбы масс. Этим, т.е. научно-теоретической немощью, и отличаются современные члены коммунистических партий от большевиков ленинской школы.

Общество развивается в сторону прогресса ровно в той мере, в какой общественное сознание приближается к научно-теоретическому уровню проникновения в сущность вещей и явлений. Общественное сознание становится научным даже не тогда, когда оно приобретает способ-

ность **открывать** или адекватно **усваивать** объективные **законы** развития исследуемых систем явлений, а тогда, когда оно начинает **подтверждать свои выводы** преобразующей **общественной** исторической практикой. Сознание можно назвать научным и общественным только в том случае, если оно на практике отрицает частную собственность на основные средства производства при всеобщей доступности средств существования и развития каждой личности. Нельзя считать научным и даже адекватным сознание армии лиц наемного труда, признающих и умножающих частную собственность для третьих лиц.

Как показал опыт предшествующих этапов развития общества, самым сложным для масс всегда было постижение **методологических** открытий гениев. Можно сказать, что и сегодня методологию, или хотя бы «Науку логики» Гегеля, как частный случай методологии, в мировом сообществе знают, а тем более понимают, единицы.

Массы прочнее и точнее усваивают готовые методологические выводы гениев, если получают подтверждения своим взглядам не в теории, а в текущих, созревших объективных **фактах**. Самые точные теоретические предупреждения Маркса или банкира Блюха о неизбежности возникновения, например, мировой войны не идут ни в какое сравнение с «просвещающей силой» ковровых бомбёжек. В силу массового постижения сущности войны на полях реальных сражений и произошли крупнейшие массовые прозрения и социальные преобразования на планете в двадцатом веке. В России, например, в начале двадцатого века, научные знания об устройстве общества, благодаря усилиям Плеханова и Ленина стали достоянием лишь некоторого числа интеллигентов, а через них и незначительной части пролетариев. Но первая мировая война буквально вбила в сознание миллионов русских крестьян и рабочих ненависть к капитализму. Более того, российские пролетарии и крестьянство показали гораздо более высокую степень обучаемости, чем их западные собратья. Россияне, в отличие от французов и англичан, стали браться с немцами на своих фонтах, создавать Советы солдат в полках. Коммунистам лишь оставалось внести в их сознание идею о наличии альтернативы капитализму, которая способна вообще положить конец войнам на Земле. Поэтому в России на некоторое время и восторжествовал коммунизм, как форма научного ми-

ровоззрения и общественной практики. Этот период еще будет оценен человечеством по достоинству.

В Западной же Европе, как не парадоксально, после смерти Энгельса, прослойка научно мыслящей интеллигенции выродилась. Вносить научные идеи в пролетарские массы стало просто некому. Европа, по меткому определению Мережковского, к началу двадцатого века превратилась в царство затхлой бездуховности, худшей разновидности воинствующего мещанства. История не терпит пустоты. Там, где население не усваивает идей коммунизма, там побеждает нацизм. После поражения коммуниста Эрнста Тельмана в Германии в 1933 г., фашизм получил повсеместную прописку именно в бездуховной Европе.

ко к сугубо национальным интеллектуальным богатствам (от Ломоносова до Шолохова и Циолковского), но и к учениям иноземцев (Ньютона, Маркса, Резерфорда). Именно эти тенденции в развитии человеческого материала до 60-х годов обеспечили советской России достойное место в мировой политике, в космосе, в балете и спорте.

В силу общей закономерности формирования общественного сознания, ровно в той мере, в какой из сознания граждан СНГ вымывается научное мировоззрение, в той же мере нарастает волна фашизма, националистических погромов, перерастающих в гражданские войны на всей территории бывшего СССР.

Позорно и беспомощно выглядит современная российская интеллигенция, оплевывающая

ТАК БЫЛО

До середины 50-х годов уровень научного сознания советских граждан рос беспрецедентными темпами. Этим, прежде всего, можно объяснить и массовый героизм советского народа, и научно-техническое превосходство СССР в Великой Отечественной войне, в освоении макро- и микро-космоса. Советские россияне той эпохи относились адекватно, творчески не толь-

теорию коммунизма, т.е. вставшая твердо на позицию фашизма в этом вопросе и, в то же время, голосящая о необходимости бороться с фашизмом: русским, прибалтийским, украинским, грузинским... Показательно, что изуродованный в районе Пятигорска крупный наскальный портрет Ленина, созданный еще в 1925 году, был весь испещрен именно фашистской символикой. Вот

в какой компании духовно оказались, например, Гундяев и Бурляев, Михалков и Новодворская, систематически и мелко оплевывающие имя Ленина. Иными словами, невозможно бороться против лучших образцов диалектико-материалистического мировоззрения, против ленинизма, не смыкаясь при этом с фашизмом.

Обыденное сознание, в отличие от научно-теоретического, не способно заглянуть в будущее, увидеть в предпосылках - причину, т.е. универсальный, абсолютный, объективный закон движения общества по пути прогресса или сокрушительного регресса. Можно ли удивляться судьбе немецких социал-демократов и еврейской диаспоры в Германии, если они не поддерживали немецких коммунистов в их борьбе против Гитлера в 1933 году? Вполне закономерно, что многие из них кончили свои дни в печах Освенцима. Победа Эрнста Тельмана на тех выборах избавила бы немецких евреев от ужасов «холокоста». Но не хватило умения заглянуть вперед, подняться умом над властью золотого тельца. Именно этот недостаток массового сознания позволяет реакционерам до поры до времени манипулировать людьми, продлевая жизнь режимам, демократическим по форме и фашистским по своей сущности.

Однако несоответствие сложившейся ситуации коренным интересам основной массы населения через некоторое время становится настолько очевидным, что вся пропагандистская машина оказывается неспособной повлиять на сознание людей, замедлить рост степени адекватности их мышления. В силу подобных свойств обыденного сознания ясно, почему изменения в обществе всегда носили **относительно, а не абсолютно** прогрессивный характер, почему каждый народ проходит в своем развитии мучительный путь поэтапной замены менее совершенных общественных устройств более совершенными.

Становление, например, феодализма было прогрессивным актом истории, но только по сравнению с рабовладением, а мировое распространение рыночного капитализма прогрессивно относительно феодализма, но не более того, особенно, если учесть две мировые войны, порожденные рыночными отношениями, и нынешнее состояние рыночного информационного поля, перенасыщенного рассуждениями о готовности олигархитета к третьему силовому переделу сфер приложения капитала. Только тогда, когда у потомков вообще не будет повода крас-

неть за поведение своих предков, можно будет считать, что закончилась эпоха **относительных** форм прогресса и настала эпоха **абсолютного** прогресса.

Разумеется, философская проблема относительного и абсолютного ещё долго будет оставаться предметом исследования и споров, но существуют признаки, что историческая практика уже подтвердила возможность достижения абсолютных результатов в конкретных сферах человеческого бытия. Подобно тому, как химия берёт на себя заботу о безусловно **успешном** решении все более фантастических технических и космических проектов, подобно тому, как медицина все более уверенно **решает** проблемы заболевших людей, общественные науки, в своё время, постигнут важнейшие абсолютные **законы** развития общества в такой степени, что безусловный прогресс превратится в основное содержание изменений, происходящих в обществе. Т.е., в принципе, не так далеко то время, когда происходящие изменения не будут сопровождаться развитием консервативных и реакционных сторон общественной практики. Но для достижения подобного положения вещей необходимо, чтобы обыденное мышление осталось уделом лишь подростков и рекордсменов геронтологии. Их связь с общественной практикой не такова, что возможно наступление серьезных отрицательных политических последствий.

Сегодня всё реже встречаются те, кто отрицает правомерность применения термина «прогресс» к факту повсеместной замены электрической лампочки светодиодом, а почты - интернетом. Эти формы прогресса в технике являются следствием соединения соответствующих отраслей человеческой деятельности с наукой. Но сегодня, в условиях достаточно бурного научно-технического прогресса, когда мы, одновременно, отмечаем в обществе рост преступности, терроризма, наличие опасности третьей мировой войны, если не подойти к решению общественных проблем тоже строго научно, то все эти недостатки останутся непреодоленными.

При господстве спекулятивно-элитарного способа приобщения населения к высшим достижениям ноосферы потребуются ещё некоторое время, чтобы научно-теоретический уровень общественного сознания принципиально потеснил обыденный его уровень. Попутно следует заметить, что, в этом контексте, ЕГЭ не является продуктивным решением острых интеллектуальных и кадровых задач современности.

Для современной эпохи характерен медленный подъем качества общественного сознания. Его техническая компонента существенно опережает социокультурную составляющую. Отчасти это объясняется тем, что различные социальные институты, начиная с религиозных конфессий того или иного вида и кончая демократическими парламентами, тысячелетиями стремились навязать общественному сознанию ценностную **статилу**. «Вековые устои», «заветы предков», религиозные догмы до сих пор усиленно навязываются по каналам СМИ. Кроме того, средства массовой информации, приковав к себе многочасовое внимание большей части населения планеты, наполняют сознание, прежде всего, молодежи мистическим, фантастическим, сексопатологическим, криминальным, апологетическим, комплиментарным, дезинформативным содержанием именно для того, чтобы исключить прогресс в развитии общественного сознания.

Несмотря на препятствия подобного рода, учащается использование термина «прогресс» при оценке ситуации, политики правящих партий, правительств и их спонсоров. Но, как известно, если возникает мода на что-либо, в том числе и на слово «прогресс», тут же возникает «хор специалистов», «экспертов», торопящихся не отстать от моды, и провозглашающих прогрессом практически всякое изменение. Иначе говоря, славу прогрессу многие «эксперты» запели раньше, чем поняли, что следует подразумевать под словом прогресс и каковы критерии прогресса.

В чем наиболее очевидно проявляет себя общественный прогресс?

Важным методологическим вопросом научного исследования является выбор критерия, т.е. признаков, точек отсчета существования того или иного эффекта. В математическом анализе, например, используются категории необходимого и достаточного условия существования экстремума. Является ли данный подход универсальным, сказать сложно. То, что приводит к успеху в одной отрасли знаний, чаще всего, не может механически переноситься на другую область

науки и практики. Однако ясно, что адекватное отношение к явлениям общественной жизни формируется тем стремительнее, чем больше выявлено точных признаков отнесения данного факта к определенному классу явлений. Т.е. выбор критериев классификации есть важная предпосылка к качественному анализу и выявлению сущности явления. Было бы прекрасно, если бы в научной литературе ученые уже определили, что является **необходимым**, а что является **достаточным** признаком общественного прогресса. Но, по всей видимости, это дело несколько отдаленного будущего.

Представляется, что достаточно продуктивной литературной находкой обществоведов является использование принципа «человеческого измерения» продуктов развития. Иной вопрос, что разные теоретики вкладывают в это понятие разное содержание, но этот подход не отрицает и не может заменить классовый подход. Классовый подход к изучению общества есть частный случай «человеческого измерения», поскольку, с методологической точки зрения, общенаучный прием классификации явлений предполагает познание общего, без чего невозможно понять, из каких противоположностей оно состоит. Общее и частное взаимообусловлены, неразрывно связаны, но общее доминирует над частным. Дом, например, строится из кирпичей, но не кирпич определяет, что будет из него построено. Человечество состоит из классов, но история человечества представляет собой, одновременно, историю **смены** классов. К тому же доказано, что большую часть своей истории человечество существовало вне классового деления. Т.е. история любого класса есть лишь эпизод в истории человечества. Классовое деление общества есть внешняя форма, которая сама по себе еще не отвечает на вопрос о человеческих, субъективных причинах, обрекающих одного человека на активный воинствующий паразитизм, а большинство на бессмысленный и тяжкий труд.

Сегодня, пока бесполезно искать общепризнанную авторитетную трактовку понятия «человеческое измерение», тем более, что никаких «единиц» подобного «измерения» в литературе, пока, не выведено. Но не секрет, что наибольшую ценность для людей представляет сама **жизнь**. Классовую борьбу могут осуществлять лишь живые пролетарии. Чтобы быть предпринимателем, тоже необходимо быть живым, но чтобы быть живым надёжно, лучше не становится предпринимателем вовсе. А не является

ли продолжительность самой **человеческой** жизни единицей «человеческого измерения» степени общественного прогресса?

Ведь биосфера устроена таким образом, что большая часть процессов, происходящих в ней, посвящена взаимному поеданию. Угроза существованию каждой отдельно взятой особи на протяжении всей эволюции жизни на Земле являлась наиболее обязательным и печальным элементом биотических сообществ. В биосфере индивидуальная смерть является всепроникающим неустрашимым моментом индивидуального бытия и, следовательно, реакция организма на эту форму угрозы всегда оставалась самой массовой, важной и актуальной для дела продления жизни. В силу этого, инстинкт самосохранения не мог не быть одним из самых необходимых структурных элементов в системе высшей нервной деятельности любого живого существа.

Следовательно, логично предположить, что, чем **реже** проявляет себя инстинкт самосохранения в сознании человека, тем дальше ушло общество в своем развитии от животного мира, от постоянных угроз существованию. Поэтому, **снижение** частотности сигналов инстинкта самосохранения в сознание индивида может служить **одним из** необходимых **критериев** наличия **прогресса** в деле действительного **выделения** человека из **животной** среды. Т.е. если в человеке все реже включается в работу инстинкт самосохранения, то можно утверждать, что общество развивается прогрессивно, поскольку все больше освобождает человека от необходимости тратить энергию на решение **ОБЩЕЖИВОТНОЙ** задачи – сохранение жизни. Ясно, чем больше обстановка обрекает живое существо на борьбу за одно лишь выживание, тем меньше остается у существа времени и энергии на решение каких-либо иных, тем более, творческих задач.

Но до сих пор процесс ослабления инстинкта самосохранения в структуре психики человека шел чрезвычайно **противоречиво**. С одной стороны, рост **средней** продолжительности жизни людей и общей численности населения, казалось бы, доказывает сужение причинного поля для проявления инстинкта самосохранения, но, с другой стороны, именно в современном обществе суицид воспевается и осуществляется в масштабах, беспрецедентных для других видов живых существ и иных исторических эпох. Т.е. современные направления и формы развития общества несут в себе предпосылки не только для ослабления силы факторов, сказывающихся на людях

летально, но и для роста СЛОЯ людей, признающих **СОВРЕМЕННЫЕ** формы устройства общества **ВООБЩЕ непригодными** для существования. Потребность в суициде сотен тысяч физиологически и психологически здоровых людей ежегодно оказывается сильнее голоса инстинкта. К тому же многочисленные и многолюдные современные армии являются школами, в которых всё воспитание и образование предметно направлено на то, чтобы человек привык легко воспринимал мысль о большой вероятности быть убитым и ещё легче жил с мыслью о необходимости убивать первым. Одним из «ценных» свойств профессионального солдата является готовность пойти на смерть не в силу крайней необходимости и личного решения, а в силу приказа непосредственного начальника.

Между тем, человечество выделилось из животного мира и перешло к новому типу развития, т.е. к прогрессу, прежде всего потому, что избавилось от диктата врожденных инстинктов в мотивах своей деятельности и перешло на позиции рассудочного выбора типа реакций. Практика показала, что реакции, осуществленные на основе логических умозаключений, продуктивнее и стратегичнее. Они способствуют сохранению жизни людей в сложных условиях, порожденных стихией или несовершенством общественного устройства. Однако несколько преждевременное притупление роли инстинкта самосохранения и породило ситуацию, при которой ошибочное суждение о смысле жизни, типичное для современного либерального рыночного общества, приводит к суициду психически здоровых людей, особенно молодых. Коротко говоря, незрелый ум чрезвычайно опасен для жизни его носителя, когда голос инстинктов уже приглушен, а голос разума ещё не прорезался.

При определенных условиях, показателем прогресса может являться и рост численности населения. Но и этот показатель приобретает устойчивость и, в значительной степени, сам определяется ростом продолжительности жизни каждого индивида. Разумеется, показателями прогресса могут быть и сокращение количества и качества преступлений, снижение уровня преступности в обществе и т.д. Но снижение этих показателей всегда идет рука об руку с увеличением продолжительности жизни большинства членов общества.

Конечно, поэтам и прозаикам позволительно утверждать, что короткая, но яркая, как вспышка, жизнь их коллеги лучше, чем столетнее прозяба-

ние. Но это они утверждают, как правило, над могилкой безвременно усопшего мастера, а сами продолжают существовать и не торопятся променять свою «бренную» жизнь на яркую надгробную речь.

Для ученого же средняя продолжительность жизни является одним из важных необходимых признаков того, что данным конкретным сообществом и большинством индивидов была найдена (случайно или целенаправленно) система адекватных реакций на **внешние** для каждого из индивидов (экономические и политические) неблагоприятные условия, что существенно ослабило **конфликт** единичного и общего, понизило вероятность кончины каждого отдельно взятого индивида, причем, не в связи с предельными геронтологическими причинами. Рост продолжительности жизни всего населения свидетельствует о том, что устройство общества достигло такого пункта развития, при котором значительно уменьшилось количество неблагоприятных воздействий на индивида в связи с сокращением числа несоответствий между общественной сущностью человека и устройством общества.

До недавнего времени случаи долгожительства являлись следствием совершенно случайных, практически неосознанных обстоятельств: интуиции, личной смекалки, удачи. Поиском «средства Макрополуса» интенсивно занимались алхимики. Но их реальный вклад в дело продления человеческой жизни в явном виде не обнаружен.

Тем не менее, индивидуальное долголетие, чаще всего, весьма адекватно оценивалось обществом. Люди понимали, что, при прочих равных, долгожитель знает о жизни больше, чем люди молодые. Поэтому практически все народы, находившиеся или находящиеся сегодня на стадии первобытного уровня развития, в качестве важного и авторитетного органа управления признавали и признают Совет **старейшин**. Уже у первобытных народов хватало логики, чтобы отчетливо видеть взаимосвязь между степенью умственного развития и долгожительством. Естественно, нет оснований переводить эту связь в разряд единственных и исчерпывающих, но то, что и сегодня существуют различные возрастные цензы на занятие различных руководящих постов в обществе, свидетельствует, что и на стадии цивилизованности возраст считается неким автоматическим свидетельством наличия

минимально необходимого уровня зрелости мышления, рожденного относительно продолжительным опытом теоретической и практической деятельности индивида.

Однако сам по себе возраст нельзя абсолютизировать. В одном конкретном случае большая часть общества испытывает сильное раздражение от того, что их старый руководитель слишком задержался на этом свете (и потому ему приходится обзаводиться при жизни огромной охраной в виде вооруженных сил и армии личных телохранителей, а после кончины оплакиваться лишь профессиональными плакальщицами).

В других случаях значительная часть общества искренне желает и **делает** все возможное, чтобы исключить преждевременную кончину отдельных индивидов. Очень часто общество приходит в состояние искренней обеспокоенности, деятельного соучастия, получив информацию о серьезном заболевании своего кумира. Пока, чаще всего в этой роли оказываются великие поэты, певцы, актеры. Реже политики. Но историческая точность (независимо от политической позиции) требует признать, что проводы в последний путь Ульянова (Ленина) холодной зимой 1924 году, - беспрецедентная в истории человечества траурная церемония, как по продолжительности, по количеству участников, так и по искренности проявления чувства невосполнимой утраты. Подобные примеры свидетельствуют о наличии всеобщей связи между личностью и всем обществом, о принципиальной возможности установления высокой гармонии в отношениях между индивидом и массой. «Просто» эти стороны единства должны осознать свою неразрывность.

Однако недавняя история общества изобилует случаями, когда противники прогресса истребляли на кострах и заключали в одиночные камеры именно носителей прогресса, т.е. людей, пытавшихся привести мышление людей в соответствие объективному устройству мироздания. Т.е. долгое время носители властных полномочий игнорировали то объективное положение вещей, что именно единицы во всем своем разнообразии интеллектуального развития и образуют общество, а само общество является гарантом человеческих форм существования разнообразных единиц. Индивид вне общества обречен на гибель. Недаром одиночное пожизненное

тюремное заключение, т.е. физическое исключение из общества, оценивается индивидом, порой, как предельно тяжелое наказание, тяжелее расстрела.

Иначе говоря, продолжительность свободной жизни индивида - важнейшая характеристика жизни каждого индивида, самая большая ценность личного бытия, решающее условие для полного и всестороннего **раскрытия потенциала каждой** личности. Убийство человека есть вычет из будущего разнообразия мира, есть фундаментальный способ торможения прогресса.

Нельзя считать общество прогрессирующим, если средний показатель продолжительности жизни снижается, поскольку такой разворот событий и представляет из себя форму исчезновения общества, сокращения объективных условий накопления опыта для осуществления прогресса общества. Чем продолжительнее жизнь каждого индивида, тем содержательнее индивидуальный и интегральный опыт прогресса.

В свою очередь, как показывает историческая общественная практика, средняя и индивидуальная продолжительность жизни людей во всем мире возрастала в той мере, в какой совершался прогресс в основных сферах человеческой деятельности. В частности, если растет производительность общественного труда, а интенсивность труда не превышает допустимых для человека норм, то личность имеет достаточные предпосылки для развития. Если питание человека становится все более сбалансированным, то возрастает степень гармоничности развития его физиологических характеристик. Если растет начитанность, то повышается универсализм личности, его способность приспособиться или преобразовывать окружающую действительность в интересах всестороннего повышения качества жизни. Т.е. чем большее количество сфер жизнедеятельности человека охвачено прогрессом, тем устойчивее проявляет себя тенден-

ция роста средней и абсолютной продолжительности жизни людей.

Заключение

Нетрудно предположить, что найдутся читатели, которым покажется, что рост индивидуальной продолжительности жизни каждого человека, не является достаточным признаком наличия общественного прогресса.

Тогда попробуем «пойти от обратного» и представим, что достаточным показателем прогресса является сокращение индивидуальной продолжительности жизни каждого человека, т.е. чем больше прогресса, тем короче жизнь всех людей, в том числе и моих оппонентов. Осталось только поздравить их с этим замечательным «прогрессом» и завоеванием их «логики».

Но если верно предположение относительно критерия прогресса в виде роста продолжительности жизни каждого человека в каждом из последующих поколений, то придется признать, что в обществе, в котором непереизбираемые олигархи играют главную роль, такой прогресс не возможен, ибо такое общество функционирует тем успешнее, чем большее количество бесправных африканцев, таджиков, молдаван, украинцев работают за гроши на олигархов, чем большее количество грузин подвизается в качестве «воров в законе», чем большее количество прибалтийских девушек обслуживают секс-туристов из Германии.

Текущий кризис показал, какова роль олигархов в современной либеральной рыночной экономике. Ясно, что только они в этом мире могут **все**, особенно **останавливать** и **разрушать**. В результате деятельности олигархов в прошедшем году только в Индии 1,5 тысячи фермеров покончили жизнь самоубийством. Из США почти ежедневно поступают сообщения о групповых семейных убийствах. На Россию вновь налетел шквал аборт...

Пора бы теоретикам задуматься над проблемой, а прогрессирует ли все цивилизованное человечество или оно опять вернулось во времена Нерона и Калигулы.

Апрель 2009

ПОЛИТИКА

ПОДЛИННАЯ ДЕМОКРАТИЯ РАВНОСИЛЬНА ГОСПОДСТВУ ТРУДЯЩИХСЯ

Владимир Новак

В последние годы почти вся теоретическая деятельность коммунистов сосредоточилась на исследованиях экономики капитализма. Что, конечно же, не случайно, т.к. экономика является тем материальным базисом общества, на котором возводятся все его надстроечные структуры. Поэтому на сегодняшний день достаточно хорошо изучены экономические основы современного капитализма – монополистически-империалистическая стадия его развития, система нынешних государственно-монополистических отношений и ее современные формы. Однако понимание политической надстройки, в которой также произошли и происходят весьма существенные процессы, остается на уровне начала прошлого века и работы Ленина «Государство и революция». В то время как марксизм учит, что с изменением базиса, вслед за его изменением и в соответствии с его изменением, необходимо изменяется и вся общественная надстройка – идеологическая, политически-правовая форма экономического содержания жизни общества. Необходимо изменяются общественные идеи и соответствующие им учреждения: государство, право, политические партии, мораль, искусство, религия, церковь. Наиболее существенным изменениям в последние десятилетия подверглось буржуазное государство. Так если прежде оно было по преимуществу политической силой, то в настоящее

время является громадной экономической силой.

Объяснение этому в том, что капиталистическая собственность все более препятствует использованию возможностей, заложенных в современных производительных силах. Поэтому капитализм ищет пути приспособления производственных отношений к потребностям развития производительных сил. Эти пути он находит в развитии государственной собственности, в регулировании экономики и ее государственном программировании. Таким образом, спасая капиталистический строй, в системе капиталистической частной собственности растет значение государственной собственности. Раздвигая рамки капиталистической частной собственности, устанавливая государственную собственность на средства производства и государственное регулирование экономики, капитализм создает отдушину для развития производительных сил. Все это есть показатель того, что классические формы капитализма не выдерживают испытания временем, что современные производительные силы не укладываются в рамки капиталистических производственных отношений, что происходит стратегическое отступление капитализма и его движение к социализму. В то же время, вопреки тем расчетам, которые капитализм связывает с государственным регулированием экономики, рост государственно-монополистических процессов влечет

за собой не только ускорение созревания материальных предпосылок социализма. Одновременно расширяется и фронт общественных сил, которые, под направляющим воздействием рабочего класса – его революционности, последовательности, организованности, все активнее включаются в борьбу против засилья монополий, за демократию, социальный прогресс, за переход от капитализма к социализму.

То, что борьба идет именно в направлении социализма проявляется не в обратном переходе от государственной капиталистической собственности к собственности отдельных капиталистов и групп предпринимателей, а, наоборот, в расширении государственной собственности (процесс этот идет не ровно, с отступлениями назад). В частности, путем национализации предприятий и/или установления за ними государственного контроля. Не за обратный переход от огосударствления экономики к поощрению «частной инициативы», а, наоборот, за дальнейшее расширение экономических функций государства. Не за сокращение бюджета, а за пополнение его средств и их использование для частичного улучшения условий жизни народа. Не против государственного регулирования заработной платы и распределения рабочей силы, а за осуществление подобных мероприятий, но не только в интересах монополий, а и в направлении повышения заработной платы и борьбы с безработицей. В направлении социализма развивается и политическая жизнь буржуазного общества, что проявляется в углублении его демократии, в увеличении прав и свобод его граждан.

Непреренно оговорим, что все современные социальные и политические достижения буржуазного общества явились не сами по себе, не стали результатом некоего естественного, якобы внутренне свойственного капитализму, развития, но были достигнуты путем длительной, упорной, жестокой классовой борьбы. По сути, хотя и скрытой, непрерывной гражданской войны трудящихся масс за свои права. В ходе борьбы ими вырабатывается и углубляется осознание своего положения, своих задач и целей, что последовательно и неуклонно ведет их борьбу к своему логическому завершению – свободе и равенству для каждого человека. Таким образом, на какие бы фальсификации действительности не шли противники марксизма, человечество все более осознает, что новые задачи борьбы за прогресс заключаются в переходе от капитализма к социализму, в переходе от демократии меньшинства - демократии для богатых и небольшой прослойки пролетариата, к демократии для большинства - демократии для девяти десятых населения. Как видно, все процессы созревания и

накопления предпосылок социализма – и материальных и социальных, начались и происходят в условиях капитализма. Однако до какой бы степени совершенствования капитализм не доводил эти предпосылки, но реализоваться до конца они могут лишь на путях социалистической революции.

Марксизм, на основе философского материализма и материалистической диалектики, снял таинственное покрывало с явлений, процессов, законов общественной жизни. Он определил, что в основе всех социальных отношений лежат связи и отношения, складывающиеся в процессе производства. В том его существенное отличие от буржуазной науки об обществе, которая не умеет и не желает понять материальную, экономическую сущность общества и рассматривает человеческое общество как некую сумму составляющих его индивидов. Тем самым она закрывает себе путь к его познанию, к пониманию законов и движущих сил его развития. В свою очередь марксизм указывает путь, способ познания общественных явлений, дает возможность правильно ориентироваться в происходящих событиях, понять их смысл, видеть направление общественного развития, исторические перспективы и намечать правильные действия. Что делает марксизм орудием прогресса, дающим людям возможность сознательного управления своей жизнью и ведущим их в будущее. Истинность его принципов и законов, открытых им, подтверждена историей, в то время как всевозможные буржуазные теории во множестве появлялись и неминуемо сходились.

Решающим выводом марксизма является историческая неизбежность перехода от капитализма к социализму. Естественно при этом становится вопрос о способах практической реализации такого революционного преобразования общественных отношений. Буржуазная пропаганда, не имея объективных доводов в пользу сохранения капитализма, вынуждена прибегать к беспримерной лжи и примитивному запугиванию обывателя, представляя такие преобразования исключительно кроваво-насиленными, политическим террором и физическим принуждением. Однако марксизм смотрит на решение общей задачи гораздо шире. Прежде всего, он утверждает, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции всегда и везде являлись необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов. Поэтому ни классики марксизма, ни все их последователи – коммунисты, говоря вообще об объективной необходимости завоевания политической власти пролетарским классом, никогда *не определяли* способа этого завоевания и выбор этого

способа ставили в зависимость от конкретных условий. При этом на вопрос – возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем, они всегда отвечали, что будут последними, кто стал бы против того возражать. Коммунисты также считают, что добиваясь своей цели, надо сообразовываться с учреждениями, правами и традициями различных стран, а не всегда и повсюду действовать одинаковыми способами. В то же время они признают, что скорее всего основным рычагом пролетарской революции должна послужить сила, к которой придется на время прибегнуть, для того чтобы окончательно установить господство труда. Ибо они видят, что историческая правда состоит в том, что **правилом** при всякой революции является долгое, упорное, отчаянное сопротивление отходящего класса, что во всех цивилизованных странах развитие сознательности пролетариата насильно подавляется. Буржуазия требует от коммунистов отказаться от революционных средств и оставаться в легальных рамках. В то же время сама всегда нарушала и нарушает эти призывы, без всякого колебания применяя насилие. Актами насилия изобилуют все буржуазные революции и особенно контрреволюции. Так было при подавлении Парижской Коммуны. На усмирение восставшего народа России в 17-ом были брошены все силы не только отечественной, но и мировой буржуазии, развязавшие в стране жестокую гражданскую войну. Не советские танки в 56-м в Венгрии или в 68-м в Чехословакии, а именно буржуазная контрреволюция творила неслыханные зверства против коммунистов. Или превзошедшие по садизму средневековую инквизицию антикоммунистические изуверства Сухарто в Индонезии, унесшие жизни миллиона человек. Так же буржуазия действовала при танковом расстреле Верховного Совета России в 93-м году. Под аплодисменты всей буржуазной «цивилизации». Практика современности наглядно свидетельствует, что буржуазия всегда начинала стрелять первой и, не разглагольствуя, давая любой закон и право, развязывает насилие, прибегая к нему для защиты своих привилегий. Так в Чили, при робкой попытке весьма умеренного Альенде затронуть ее интересы, был развязан кровавый пиночетовский террор. Поэтому отказываться от силового захвата и охранения власти было бы со стороны пролетариата, и с теоретической и с практической точки зрения, безрассудством. Пролетариат, безусловно, должен быть готовым защитить свое дело всеми возможными способами.

Социалистическая революция неизбежна, но она может принять более мягкие формы и это будет зависеть не столько от развития буржуазии, сколько от развития пролетариата. Чем больше пролетариат проникнется социалистическими и коммуни-

стическими идеями, тем менее кровавой, мстительной и жестокой будет революция. Потому что по принципу своему коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и рабочими. Он признает лишь ее историческое значение для настоящего, но отрицает ее необходимость в будущем и именно своей целью ставит устранить классовое деление общества вообще. Пока же эта вражда существует, коммунизм рассматривает ожесточение пролетариата против своих поработителей как необходимость, как важный рычаг пролетарского движения. Но он идет дальше этого ожесточения, ибо является делом не одного какого-то класса, а всего человечества. Исходя из этой марксистской логики, коммунисты считают, что, прежде всего, должны заниматься теми мероприятиями, при помощи которых можно предотвратить насилие и кровопролитие при осуществлении переворота в социальных отношениях. Если они не желают кровавого разрешения социального вопроса, не желают довести растущую вражду до уровня, когда она будет искать разрешение в применении грубой силы и жажде мести, то должны серьезно заняться социальным вопросом, ставя людей в положение, достойное человека. Таким образом, коммунисты не просто теоретически допускают мирный, гуманистический путь развития к социализму, но ясно видят и предполагают его практическую возможность.

Здесь необходимо сделать существенное замечание. Сегодня оппортунисты из псевдокоммунистических партий и организаций для обоснования своего предательства пошло извращают суть предполагаемого классиками марксизма мирного пути развития революционного процесса и, произвольно манипулируя их суждениями, выдают его за отказ от собственно революции. Поэтому уточним, что мирный путь развития революции в марксистском понимании ни в коей мере не означает отмену ее сущностных целей – замены частной собственности на средства производства общественной собственностью и ликвидации всякой эксплуатации человека человеком. В решении такой задачи, марксизм исходит из того, что эксплуатация есть **необходимость** буржуазного порядка жизни, а потому и уничтожить ее возможно лишь с уничтожением этого порядка. В свою очередь, уничтожение буржуазного порядка заключается не в кровавом терроре против буржуазии и ее физическом истреблении, а в отмене частной собственности на средства производства и тем создании в обществе такого нового порядка и таких условий, при которых ее существование делается невозможным. В том революционная суть социальных преобразований. Которые, как предполагают и предлагают коммунисты, при определенных условиях, возможно про-

вести вполне мирными и гуманными средствами, не прибегая к кровопролитию и жестокому политическому насилию. Чего нельзя сказать о буржуазии, чье господство всегда и везде держится, не может держаться иначе, чем на насилии, включая самое грубое и кровавое. Так как нет иного способа сохранять в обществе несправедливость, неравенство и рабство. Как бы ни изощрялись буржуазные ученые и пропаганда, как бы ни рядилась буржуазия в одежды миротворцев, гуманистов и чело- веколюбов, но без насилия и вражды само ее существование просто немыслимо. Отсюда естественно вытекает и тот вывод, что только вместе с ликвидацией буржуазного порядка из жизни людей навсегда исчезнут насилие и вражда.

Нынешняя буржуазная пропаганда вкупе с оппортунистическими прихвостнями твердит, что со времен классиков марксизма прошло много времени и за это время исторические условия во многом изменились. Что теории классиков, может быть, и были верны для своего времени, но теперь «устарели». Однако они бесстыдно лукавят, замалчивая то обстоятельство, что условия изменялись не в противоречии, а, наоборот, в полном соответствии с разработанной классиками марксизма теорией, что вся история после появления марксизма приносит ему новые подтверждения и новые триумфы. Более того, теория марксизма предвидит и возвещает главные направления грядущих изменений и тем вооружает передовые силы общества для новых свершений во имя прогресса. Сила марксизма в том, что он верно отражает объективную действительность, а не просто приспособливается к ней свои генеральные положения, подобно тому как делают со своими концепциями буржуазные ученые. Марксизм дает не внешнюю фотографию имеющейся ситуации, не простое фактологическое ее описание, а устанавливает глубинные законы ее развития. Законы, которые определяют не какую-либо отдельную сторону или какие-либо отдельные процессы общественного развития, а все главные стороны и все главные процессы этого развития – определяют суть всего хода развития. В то же время марксизм, будучи диалектически динамичной наукой, развивается вместе с изменяющейся действительностью. При появлении новых социально-экономических условий он, опираясь на свои принципиальные воззрения, объективно анализирует новую действительность и указывает общественным силам направление на дальнейшие действия. Естественно, труды классиков несут на себе отпечаток того периода, в течение которого они создавались. Но открытые ими объективные, т.е. отражающие закономерность процессов общественной жизни и совершающиеся независимо от воли людей, зако-

ны, и сегодня позволяют людям использовать полученные знания в интересах общества. Современные коммунисты должны не только решительно пускать эти знания в политическую практику, но постоянно развивать и приумножать доставшееся им теоретическое богатство. Без этого немыслимо движение вперед. Поэтому сейчас задача сводится не к показу того, что труды классиков марксизма сохранили свою актуальность и ныне, но к тому, чтобы, опираясь на эти труды, анализировать новейшие процессы и тенденции современного капитализма.

Марксизм не только определил законы движения общественного строя, не только научил видеть **классовую борьбу** – борьбу между всяческими видами имущих классов с массой неимущих, но ответил на вопросы о применении теории и к предстоящему краху капитализма и к будущему развитию будущего коммунизма. Так он указал, что **лучшее орудие при преобразовании способа производства – свободное самоуправление трудящихся**. И вновь надо отметить, как, несмотря на обвинения в «устарелости», исторические условия изменяются в полном соответствии с марксизмом, являются подтверждением его сущностной справедливости. Расширение и углубление демократизма современной жизни есть прямое свидетельство, как уже в буржуазном обществе формируются элементы будущего самоуправления трудящихся, как оно уже движется к общественному управлению и как это управление воздействует на весь ход развития капитализма. Через забастовки рабочих, деятельность профсоюзов, всевозможные массовые протесты, акции разных общественных организаций, при многочисленных избирательных кампаниях. Ход такой борьбы, повседневные столкновения с классом капиталистов-угнетателей, последовательно и неуклонно подводит трудящихся к осознанию необходимости полного переустройства всего общественного порядка и установления порядка, при котором каждый человек будет активным, полноправным и равным членом общества. То есть к осознанию необходимости установления социалистического порядка отношений между людьми. Пусть еще рано говорить о самоуправлении трудящихся, пусть пока еще буржуазии удастся их обманывать, выдавая угодный и выгодный ей псевдодемократизм за демократию, но тенденция к тому обозначена отчетливо. Тенденция движения от демократии буржуазной, демократии для богатых и незначительной прослойки пролетариата – демократии лишь в виде исключения, никогда не полной, к демократии пролетарской – почти полной, ограниченной только подавлением сопротивления класса угнетателей. И, в конечном итоге, к демократии действительно полной, входящей в привычку и по-

тому отмирающей, поскольку полная демократия равняется никакой демократии.

На первый взгляд такое утверждение может показаться странным. Но это не пустая популистская фраза. Как считают коммунисты, любая демократия есть государство, т.е. организация для систематического насилия одного класса над другим, одной части населения над другой. Поэтому уничтожение государства, а в том конечная цель коммунистов, есть уничтожение также и демократии, отмирание государства есть отмирание демократии. Суть в том, что когда пролетариат возьмет государственную власть и превратит средства производства прежде всего в государственную собственность, то тем самым он уничтожит самого себя как пролетариат, уничтожит все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство. Ибо когда государство действительно станет представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. Поскольку исчезнет всякая надобность в насилии над людьми вообще, в подчинении одного человека другому, одной части населения другой его части, т.к. люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без подчинения.

По этому поводу большинство буржуазных «ученых» отделяется зубоскальством, обнаруживая тем и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма. Но современные коммунисты, как носители общественного прогресса, должны строить стратегию своей политической борьбы исключительно в русле этой тенденции, в русле ее прогрессивного содержания. Они должны забрать инициативу у буржуазии и активно направлять растущее сознание и демократические устремления трудящихся масс по пути перехода от демократии на почве частной собственности к демократии на базе борьбы за отмену частной собственности. В конечном счете, **реальная, подлинная демократия равносильна политическому господству трудящихся.**

Чем далее тем более классический буржуазный парламентский «демократизм» показывает свою ущербность и враждебность большинству населения. Самым показательным современным примером его подлинной сути и антинародности стало вторжение в Ирак. Когда буржуазные правители наиболее «демократических» стран мира, нагло проигнорировав подавляющее, до 70-80%, несогласие своего населения, совершили агрессию, руководствуясь не какими-то национально-государственными, а сугубо корыстными интересами небольшой группы своих капиталистов.

Последним примером могут служить президентские «выборы без выбора» в России, на которых демократией названо наглое протаскивание своего

человечка к управлению государством. Реальную значимость и роль буржуазного парламента, его фактическую декоративность и ненужность, как представительского, т.е. собственно демократического учреждения, в буржуазной республике, наглядно демонстрирует Верховная Рада Украины, которая уже год как забросила все дела и занимается внутренними разборками. Тем не менее, это никак не отражается на жизни страны. Что с Радой, что без Рады, простые люди бедствуют, а богатые богатеют. Не замечать всего этого уже не может даже самый отсталый обыватель и потому естественно, что сегодня пошел закат веры масс людей в непреходящую и священную ценность буржуазной «демократии». Они начинают понимать, что демократия не может быть «полной», демократией для всех, и для богатых и для бедных. Что любая демократия не есть свобода для всех и на деле всякая демократия и всегда исключает свободу для кого-то, является лишь формой проведения в жизни господства одной какой-то части общества над другой, одного класса над другим. Начиная понимать, что буржуазная демократия создает возможность для меньшинства жить за счет других, что она принорована и выгодна исключительно буржуазному меньшинству. В то же время, невыгодна и чужда огромному большинству трудящихся масс, ибо превращает их просто в орудие для обогащения этого меньшинства, буржуазии. Поэтому естественно встает вопрос о том, как сделать общество по-новому демократическим - для большинства, для трудящихся, для неимущих. Ведь только тогда демократия будет принорована для реализации интересов трудящегося большинства и станет наиболее, в условиях классового общества, полной, развитой, справедливой, обретет свой истинный смысл – как народовластие. Не решив эту задачу, трудовой народ может навсегда остаться игрушкой в руках своих угнетателей.

Дать альтернативу, показать реальные пути ее реализации может и обязана партия коммунистов. Чьей революционной задачей является не проповедь капиталистам об улучшении положения рабочих, не возня за смягчение условий их рабства, а руководство классовой борьбой и завоевание трудящимися политической власти с целью установления новой организации труда и жизни на основе свободной и равной ассоциации производителей. Научный марксизм и практика революционной борьбы определили путь решения этой задачи. Исторический опыт всех революций и всех движений угнетенных классов привел к возникновению Советской демократии, которая превращает массовые организации именно угнетенных капитализмом классов, т.е. абсолютного большинства населения в постоянную и

единственную основу всего государственного аппарата, местного и центрального, снизу доверху.

Рожденные творчеством рабочих Советы явились той искомой и найденной политической формой, в рамках которой возможно совершение освобождения трудового народа и полная победа социализма. При этом, по определению Ленина, государство построенное на их основе, является не только формой более высокого типа демократического учреждения, но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму. Как видим, коммунисты, строго придерживаясь сугубо демократических принципов, на их основе - путем придания им их истинной демократической сути, указывают мирный, гуманный, справедливый ход развития и победы революции. На деле Советы делают всю народную массу активным участником демократического управления государством, управления всей жизнью общества. Понятно, что при таком положении никакому капитализму не удержаться.

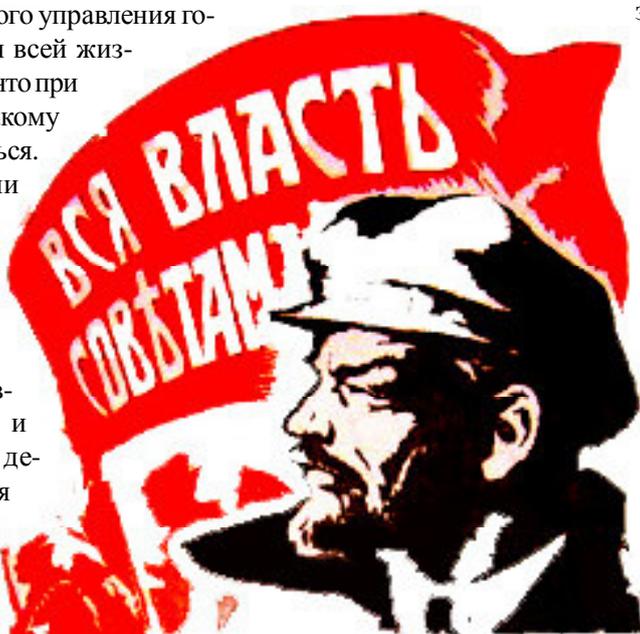
В то же время, если будет выполняться воля народа, то будет и его поддержка, т.е. поддержка девяти десятых населения, а в таком случае ни о каком сопротивлении не может быть и речи. В свою очередь демократия буржуазная для подавляющего большинства населения всегда есть фарс и обман. Поскольку создана исключительно для реализации интересов буржуазии, а потому устроена таким образом, чтобы не допустить подлинного участия в ней масс трудового народа. Буржуазная демократия на деле неизбежно остается, в силу того, что существует частная собственность на средства производства, демократией буржуазии - демократией в ее интересах, демократией для меньшинства, демократией обеспечивающей этому меньшинству возможность подавлять, эксплуатировать и грабить громадное большинство трудящихся, паразитировать на труде большинства. Всевозможными уловками и приемами она отстраняет от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами это большинство. Таким образом, буржуазная демократия и государство, построенное на принципах этой демократии, безусловно, есть орудие господства буржуазии, есть орудие эксплу-

атации пролетарского класса. Потому, чтобы освободиться, этот класс должен завоевать демократию для себя. Что означает на деле сделать ее возможной для всех, а не только для избранных. Единственно Советы полностью соответствуют этому требованию. Вместе с тем они обеспечивают решение и других важнейших задач революционного переустройства общества. Прежде всего, единственно Советы могут выполнить роль могильщика буржуазного государственного порядка, поскольку способны не только сломать его государственную машину и не только заменить буржуазную демократию демократией пролетарской, но стать основой пролетарской государственной власти, пролетарской государственности. Также единственно Советы, привлекающие массовые организации трудящихся к постоянному и безусловному участию в государственном управлении, способны подгот-

вить то отмирание государственности, которое является одним из основных элементов будущего безгосударственного, коммунистического общества. Когда на место управления лицами станет управление вещами и руководством производственными процессами. То есть единственно посредством Советов возможно пройти путь замены буржуазной демократии на демократию пролетарскую с конечной

целью отмирания всякой демократии и навсегда. И еще раз подчеркнем, единственно Советы делают возможным мирный ход развития революции.

Как отмечено выше, Советы являются новой формой государственной организации общества и демократией по-новому. Новизна заключается в том, что постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата становятся те классы, которые угнетались капитализмом. Советы привлекают к постоянному и решающему участию в демократическом управлении государством трудящуюся массу, т.е. абсолютное большинство населения. В силу этого, они приносятся к задачам полного освобождения этого большинства от всякого гнета и эксплуатации, а не к задачам его эксплуатации и угнетения, как это свойственно буржуазному парламентариз-

му. Таким образом, Советы являются наиболее массовой и наиболее демократической государственной организацией, властью большинства населения, государством этого большинства.

Практика марксизма учит, что партия коммунистов никогда не должна терять из виду основную цель борьбы и уметь неуклонно проводить уже принятый курс через все затруднения и осложнения. При этом необходимо выдвигать на первый план те формы борьбы и организации, которые более всего соответствуют условиям текущего момента, которые способны подводить массы к революционным позициям и увлекать эти массы к поставленной цели. Тогда массы будут сплачиваться вокруг нее и не будут сбиваться с пути. Здесь исключительно важным становится нахождение того особого звена в цепи процессов, ухватившись за которое можно будет подготовить условия для достижения конечного общего успеха. Дело в том, чтобы из множества задач, стоящих перед партией, выделить ту именно задачу, разрешение которой обеспечит успешное решение всех иных задач. Несомненно, сегодня такой задачей является борьба за демократию. Коммунисты должны взять оружие демократии в свои руки. Не питать иллюзии честных буржуазных выборов, т.е. честности буржуазного демократизма, и не приспособливать буржуазный демократизм под пролетарские требования, а уничтожить его и утверждать свой собственный пролетарский демократизм. Вспомним, что и буржуазия когда-то не приспособила под себя самодержавие, а уничтожила его и заменила на свой собственный общественный порядок. Так же она поступила и при контрреволюционном перевороте 90-х годов, который начался с ликвидации Советов и замены их на свой парламентаризм. Поэтому, в обстановке более или менее мирного развития, используя все легальные и демократические возможности современного буржуазного общества, коммунистам необходимо развивать, формировать, обучать пролетарскую массу новому демократизму. То есть переводить страну с пути буржуазного парламентаризма на путь Советов. С этого стратегического направления - направления на формирование новых, пролетарских органов демократии и власти, не должны сбивать или уводить в сторону никакие попытки буржуазных

властей абсолютизировать, что характерно для нынешней России, свою власть. Вся буржуазная власть есть диктатура, а стремление к ее абсолютизации, равно как и фашизации, есть, несмотря на всю словесную эквилибристику о свободе и демократии, правило буржуазного демократизма. Заслоном тому единственно упорная борьба трудящихся масс на пути пролетаризации демократии. Только на основе такой демократии возможно формирование, как действенных органов будущих революционных преобразований, так и последующего социалистического переустройства общества. На этой же основе только и возможно разоблачение демократической демагогии буржуазии со всеми ее прихлебателями. Помочь массам на собственном опыте распознать никчемность буржуазного парламентаризма, лживость его обещаний, понять неизбежность смены старой власти – вот практические задачи современных коммунистов.

В заключение нельзя не отметить, что наиболее опасной социальной опорой буржуазии являются соглашательские партии, без изоляции которых от масс невозможно ни победить в революции, ни отстоять ее. Это принципиально и подтверждено наглядно опытом России. К сожалению, многие не понимают безоговорочную необходимость решения этой задачи. Они обвиняют коммунистов-марксистов в излишнем третировании легальных коммунистов, в «излишней ненависти» к ним, в «забвении» главной цели, т.к. их борьба, якобы со своими, заслоняет борьбу с главным врагом – буржуазией. Однако без изоляции соглашателей всех видов, т.е. имея в тылу таких «своих», с их духом колебаний, разложения и неуверенности, нельзя рассчитывать на победу Советов и социалистической революции. В свою очередь, изоляцию и отрыв от соглашателей широких масс можно и нужно проводить на почве движения за Советы и их власть, путем борьбы за восстановление Советов и превращение их в органы власти, в органы новой пролетарской государственности. Что обеспечит отрыв масс трудящихся как от буржуазного парламентаризма, так и от соглашателей, одновременно подводя их к установлению собственной демократии и собственной власти.

Январь 2009

ИСТОРИЯ

ПАМЯТИ ДНЯ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Евгений ФАДЕЕВ

Когда в августе 1991 г. распался Советский Союз, многие советские «культурегеры», демократы-публицисты и беллетристы открыто поздравляли друг друга с тем, что, наконец-то, СССР проиграл... вторую мировую войну. В чем-то они были правы, раскрывая «тайну Полишинеля». Действительно, все три поджигателя второй мировой войны, США, Англия и Германия всегда были заодно в борьбе против СССР. Т.е. «размолвка» между Гитлером, Рузвельтом и Черчиллем носила тактический характер. Фундаментальной стратегической целью для них, как и для некоторых российских, украинских и прибалтийских интеллигентов, было уничтожение СССР. Им всегда было безразлично, с кем вступить в союз ради такого дела.

Правда, Гитлеру и Рузвельту было ясно, что дни колониальной, рабовладельческой Великобритании – сочтены вообще. Эпоха её господства в мире закончилась, хотя бы, в силу научно-технического прогресса. Поэтому чуть раньше или чуть позже, но Англия все равно была бы списана в исторический утиль не Америкой, так Германией.

Американские олигархи видели, что они очень близко подошли к решению задачи установления своей гегемонии в мире, но им сначала необходимо было уничтожить первую в мире страну, население которой уже слишком далеко продвинулось вперед по пути строительства коммунизма. После СССР можно было бы уничтожить и своего непосредственного конкурента в вопросе мирового господства - гитлеровскую Германию. Но без уничтожения СССР, олигархи США не имели шансов на

утверждение своего мирового господства. Начиная борьбу с Германией за своё мировое господство, олигархи США обрекли бы свой народ на жертвы и лишения, не имея средств молниеносно закончить войну с Германией на Европейском континенте. А в это время СССР спокойно и без потерь продолжал бы реализацию своей программы строительства коммунизма, одновременно, укрепляя военно-экономический потенциал, поскольку руководство СССР никогда не питало иллюзий относительно «миролюбия» монополистов США.

В свою очередь, германские олигархи понимали, что у олигархов США несколько больше шансов реализовать свои имперские планы, чем у Германии. Поэтому германским олигархам надлежало использовать свой последний исторический шанс: разгромить СССР (пока он не завершил построение плановой бескризисной экономики и программу перевооружения Красной Армии), захватить ресурсы Советского Союза и, затем, разделаться, прежде всего, с Англией, отняв у неё колонии, а потом и с Америкой.

Английские олигархи тоже понимали, что если СССР реализует свои исторические планы по построению коммунизма, то и английской империи, и американским, и фашистским планам придет полный конец. А если разгромить СССР, да еще и немецкими руками, то с Германией, истощенной тяжелой войной, сможет справиться и Англия, а установив свое господство в освобожденной Европе, сохранив колониальную империю, Англия сможет пободаться и с США.

Таким образом, уничтожение СССР входило в равной степени и в планы фашистов, и демократов, поэтому понятно ликование российских демократов, когда не «мытьем, так катаньем», сбылась мечта всех фашистов и... СССР, пораженный рыночной «опухолью», распался.

Однако поскольку из всех стран, переживших первую мировую войну, США стояла ближе всех к завоеванию мирового господства, постольку легко понять, почему 75% иностранных капиталовложений в военную экономику гитлеровской Германии сделали именно США. Рузвельт, не только желал, как Черчилль, но и с американской предметностью делал все, чтобы Германия была практически готова к серьезной войне с СССР. Показательно, что после прихода Гитлера к власти в Германии, СССР стал быстро свертывать торговые отношения с Германией, а США и Великобритания, наоборот, именно после прихода Гитлера к власти стали наращивать продажу фашистам товаров, имевших стратегическое значение. Начиная с 1936 года, английские и американские политики вообще закрыли глаза на участие Германии, например, в войне в Испании, на поглощение Австрии Германией. В 1938 году Англия разрешила Германии захватить Чехословакию, в 1939 ничего не сделала для защиты своей союзницы, Польши. Руководство США и Англии спокойно ждали, будучи уверенными, что теперь-то фашистская армия, вооруженная, в значительной мере, на деньги США, двинется на СССР. Их не смутил небольшой нюанс в политике Гитлера в отношении Франции, Норвегии, и даже бомбардировки Лондона. Главное было сделано. Германия обязательно нападет на СССР.

Опубликовав огромную совершенно секретную переписку Рузвельта и Черчилля времен второй мировой войны, составители сборника «Тайны истории», 800-страничного фолианта, не решились поместить письма, написанные этими «союзничками» Сталина в период с 17 июня по 10 июля 1941 г. Ясно, что после 17 и до 22 июня Черчилль и Рузвельт должны были и могли обсуждать между собой, например, донесения английских агентов, состоявших в польском «Союзе Вооруженной Борьбы», ориентированном на Лондон, о степени готовности фашистской Германии к нападению на СССР. Ясно, что между ними могло состояться «джентльменское» соглашение: поставить Сталина в известность об этой информации в таком виде, чтобы он им мог поверить, но с большим трудом. Отсутствие в сборнике следов переписки Рузвельта и Черчилля после 22 июня и до 10 июля говорит лишь о том, что даже сегодня исследователи не могут цитировать письма «союзничков» Сталина, чтобы не вызвать отвращение у читателей к этим широко известным отцам западной демократии. Не трудно представить, как они поздравляли друг друга с тем, что, наконец-то, деньги, которые они вложили в фашистскую Германию, начали не только действовать, но, как показалось нашим союзникам, способны уничтожить большевизм. Не трудно понять по косвенным признакам и то, чему научил Черчилля и Рузвельта опыт массового применения немецких танков на территории СССР. Письма июля и августа посвящены, в основном, развитию танкостроения в США и Англии, унификации новых типов танков и ни слова об СССР. Так что, невозможно допустить, что все эти дни «союзнички» Сталина не изучали опыт отступления Красной армии, не делились тихими радостями и не строили «окончательных» прогнозов. Но составители сборника до сих пор не решились помещать эти совершенно секретные откровения в от-

формации в таком виде, чтобы он им мог поверить, но с большим трудом. Отсутствие в сборнике следов переписки Рузвельта и Черчилля после 22 июня и до 10 июля говорит лишь о том, что даже сегодня исследователи не могут цитировать письма «союзничков» Сталина, чтобы не вызвать отвращение у читателей к этим широко известным отцам западной демократии. Не трудно представить, как они поздравляли друг друга с тем, что, наконец-то, деньги, которые они вложили в фашистскую Германию, начали не только действовать, но, как показалось нашим союзникам, способны уничтожить большевизм. Не трудно понять по косвенным признакам и то, чему научил Черчилля и Рузвельта опыт массового применения немецких танков на территории СССР. Письма июля и августа посвящены, в основном, развитию танкостроения в США и Англии, унификации новых типов танков и ни слова об СССР. Так что, невозможно допустить, что все эти дни «союзнички» Сталина не изучали опыт отступления Красной армии, не делились тихими радостями и не строили «окончательных» прогнозов. Но составители сборника до сих пор не решились помещать эти совершенно секретные откровения в от-

крытых изданиях.

Поэтому, вполне понятно, что ни для Англии, ни для США, ни для «пятой колонны» в СССР, вторая мировая война против СССР не окончилась 9 мая 1945 года, и им всегда было безразлично, чьи руками, фашистов или демократов, войной или подрывной деятельностью будет добит СССР.

Тем не менее, многие советские обыватели, спокойно и с любопытством встретившие «перестройку», распад СССР, впервые хлебнувшие виски, натянувшие на ягодицы грязновато-голубоватые джинсы и севшие, наконец, за руль подержанной иномарки, были несколько удивлены формулировками столь злорадной реакцией демократической прессы. Они не все были готовы к подобной оценке итогов «перестройки» в СССР.

Сегодня только до некоторых наивных российских патриотов, а так же до русских фашистов, вместе с демократами остервенело поносивших имя Ленина, дело Сталина, оплевывавших коммунистические идеи, стал доходить смысл планов и итогов «демократической рыночной перестройки» в СССР. Оказалось, что, не захватив большевистскую Москву в 1941 году, все олигархи мира не прекратили войну против СССР и вели её не столько ради уничтожения большевизма, сколько ради приватизации восточно-европейской и российской территории, азербайджанского газа, армянского коньяка, грузинского марганца, прибалтийских девчушек, украинских, таджикских и молдавских гастарбайтеров.

Однако те, кто не прекращал вторую мировую войну против СССР, кто разрабатывал конкретные операции этой войны, начиная с доктрины «массированного ответного удара» и кончая доктриной «звездных войн», не строили иллюзий на тот счет, что им удастся победить СССР в открытом военном столкновении. Экономическая система СССР в ходе второй мировой со всей очевидностью доказала свое превосходство над экономическими системами всех воюющих сторон. Самое трагикомичное состоит в том, что, открыв второй фронт, якобы, ради помощи СССР, союзники уже через несколько недель панически просили помощи у СССР, терпя сокрушительное поражение в Арденах.

Даже Роберт Гейтс, бывший директор ЦРУ, в одном из своих интервью еженедельнику АиФ, признался, что СССР невозможно было победить извне ни гонкой вооружений, ни войной, ни экономическим соревнованием. СССР можно было разрушить только изнутри, убедив его руководство в необходимости, ради «улучшения» экономики в СССР, разрушить централизованное управление парламентаризмом и внедрить повсеместно рыночные отношения. Руками Андропова, Горбачева и Ель-

цина это было сделано.

Но в дни поминовения Великой Победы Советского Социалистического Народа в Великой отечественной войне уместно вспомнить и слова тех, кто в силу недалекости ума и аристократического воспитания пытался уничтожить СССР в 1941 году, кому в 22 июня казалось, что они это могут.

Так, например 1 декабря, т.е. за четыре дня до начала контрнаступления Красной Армии под Москвой фон Бок писал в своем ежедневнике:

«Сражения последних 14 дней показали, что «полное уничтожение» противостоящей нам русской армии является не более чем фантазией... Но даже если невозможное станет возможным и нам в ходе наступления удастся поначалу захватить новые территории вокруг Москвы, у меня все равно не хватит войск, чтобы окружить город и плотно запечатать его с юго-востока, востока и северо-востока. Таким образом, проводящееся сейчас наступление является атакой без смысла и целей, особенно учитывая тот факт, что время приближается к роковой черте, когда силы наступающих будут исчерпаны полностью».

Но через четыре дня фон Бок был удивлен еще больше. В условиях, когда у фашистской армии в результате пятимесячных непрерывных побед не осталось войск, особенно командного состава, 5 декабря 1941 года началось наступление Красной Армии, свидетельствовавшее о гениальности Сталина, как полководца, который, как оказалось, не впадая в панику, организуя оборонительные сражения даже при довольно бестолковом генералитете, целенаправленно готовил **достаточные** резервы для первой стратегической победы над фашистскими войсками в истории второй мировой войны. Причем, благодаря свойствам коммунистической централизованной экономики, Сталин, уже в декабре 1941 года, обеспечил на московском направлении преимущество над фашистами не только в живой силе, но и в авиации, и в танках, хотя, пока, и не сокрушительное. Но тем ценнее была победа под Москвой.

Показательно и то, какие куцые выводы сделал фон Бок из своего поражения, хотя уже на второй день после начала контрнаступления Красной Армии под Москвой он писал в своем ежедневнике о поражении как свершившемся факте:

«К нынешнему серьезному кризису привели три обстоятельства:

1. Осенняя грязь. Передвижения частей и подвоз припасов были фактически парализованы жидкой грязью, затопившей

дороги. В результате воспользоваться плодами победы под Вязьмой нам не удалось.

2. Провал с железными дорогами. Неадекватное обслуживание, нехватка вагонов, локомотивов и квалифицированного технического персонала. Неспособность локомотивов, оборудования и наскоро отремонтированных станционных сооружений функционировать в условиях русской зимы.

3. Недооценка способности противника к сопротивлению, а также его резервов в плане личного состава и материальной части.

Русские понимали [странно, что этого не понимали «немецкие» и усиленно бомбили железнодорожные узлы, мосты на пути своего наступления - **Е.Ф.**], что, уничтожая при отступлении все железнодорожные постройки, рельсовые пути и дороги на направлении нашего главного удара, они тем самым увеличат наши трудности с транспортом и что нашему фронту не будет хватать самого необходимого, чтобы люди могли жить и сражаться, а именно: боеприпасов, горючего, продовольствия и зимней одежды. Технические показатели и показатели грузоперевозок нашего автомобильного парка, обремененного сверх всякой меры из-за проблем с железными дорогами переходами в полторы тысячи километров, стали резко снижаться. В результате мы лишились какой-либо возможности перебрасывать войска на мало-мальски значительные расстояния и при постоянно снижающемся уровне снабжения вынуждены противостоять атакам противника, черпающего силы из своих неистощимых людских ресурсов. Русские ухитрились, - пишет фон Бок, - [неужели фон Бок действительно думал, что авиационные и танковые экипажи создаются только за счет хитрости, как и самолеты, и танки, а не за счет превосходства экономики и политической системы - **Е.Ф.**] восстановить боеспособность почти полностью разбитых нами дивизий в удивительно сжатые сроки, подтянули новые дивизии из Сибири, Ирана и с Кавказа и заменили утраченную на ранней стадии войны артиллерию многочисленными пусковыми установками реактивных снарядов. Сегодня группе армий противостоят

на 24 дивизии — преимущественно полного состава — больше, нежели это было 15 ноября. С другой стороны, численность германских дивизий сократилась более чем наполовину в результате непрерывных боев и связанных с зимними холодами бедствий. Боеспособность бронетанковых войск и того ниже. Потери среди офицерского и унтер-офицерского состава просто шокируют. В процентном отношении они много выше, нежели потери среди рядового состава.

Приказы, требовавшие безжалостно преследовать и уничтожать войска противника, были оправданы, когда Верховное командование считало, что противник находится на пределе своих возможностей и что войск у него практически не осталось [Оказывается, приказы оправданы тогда, когда Верховному командованию, что-то **кажется** - **Е.Ф.**]. Ради полного уничтожения русской армии в течение сравнительно короткого периода времени необходимо пойти даже на «максимальные жертвы» — так до недавнего времени считало Верховное командование. Но это была ошибка, по причине которой группа армий вынуждена теперь вести оборонительные бои в чрезвычайно неблагоприятных условиях».

Вся эта писанина ценна только тем, что она позволяет взглянуть на вещи «с той стороны», глазами мясника в генеральских погонах, в сознание которого адекватные мысли могли появиться только под давлением убийственных факторов. Под ежедневным дождем из снарядов «Катюши» трудно врать об отсталости советской техники и экономической системы. Но плохо, что наши **современники**, граждане нынешней демократической рыночной РФ, не понимают, что они лишились каких бы то ни было преимуществ в войне с вероятным противником, поскольку перешли на предложенную им же анархическую модель экономики.

А то, что рыночная Россия в ближайшие годы будет рассматриваться западными странами и, особенно США, как достаточно легкая и лакомая цель для парабощения, не вызывает сомнения.

Москва многократно сдавалась на милость работодателя до большевиков, она будет сдана и после большевиков, поскольку народ России забыл и даже предал самые ценные уроки Великой Отечественной войны, уроки Победы своих красных дедов и отцов.

АНТИБЮРОКРАТИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ СТАЛИНА

Тони Кларк

Перевод - Александр ЛБОВ

От переводчика. Данная статья¹ была выбрана мной из множества других главным образом из-за того, что тема, на которую автор обращает внимание читателя, мало исследована, а мысли в ней выражаются оригинальные. Но при этом она имеет ряд особенностей, которые существенно осложняли перевод и осложняют восприятие. Во-первых, это рецензия, причем не на книгу, как это бывает обычно, а на вступление к документальной публикации. Это дает ряд стилистических сложностей, например, в виде большого количества цитат, как из текста предисловия, так и из первоисточников (статей, выступлений и писем Сталина). Во-вторых, это смесь двух стилей - английского академического обществоведения и англоязычного марксизма. Если второй переводится практически без потери стилистики чуть ли не дословно, то первый действительно труден и плохо воспринимается даже в адаптированном переводе, особенно смешиваясь с марксистским языком. Перевод я старался дать как можно ближе к тексту. В тексте встречаются цитаты из Сталина и Ленина, которые синхронизированы по советским изданиям.

Йельским университетом в 1995г. были изданы письма Сталина к Молотову под общей редакцией Ларса Т. Ли (Larse T. Lih), Олега Наумова и Олега Хлевнюка. Письма охватывают период с 1925 по 1936, период, который в СССР ознаменовал переход от Новой экономической политики к коллективизации крестьянства и Сталинский великий скачок [так на Западе называют индустриализацию - пер]. В книге 276 стр., из них 63 - введение Ларса Т. Ли, озаглавленное «Антибюрократический сценарий Сталина, где он рассматривает сталинские взгляды на вопрос о советской бюрократии. Во вступлении Р. Такера Ларс представляется как специалист по советской истории 20-х гг., утверждающий, что письма Сталина к Молотову

высвечивают новые черты Сталина как государственного лидера. Конечно, академические буржуазные писания не брезговали открытой и грубой антикоммунистической пропагандой, временами даже сливаясь с ней. Тем не менее, такой антисталинист как Р.Такер, хотя и не хотя, но вынужден согласиться с идеями, высказанными во введении.

ОБЗОР «ВВЕДЕНИЯ К ПИСЬМАМ СТАЛИНА К МОЛОТОВУ»

«Переосмысление» Сталина Ларсом Ли на базе этих писем состоит в утверждении, что Ста-

1. Оригинал можете найти на сайте «За Марксистско-Ленинское Единство» (<http://www.oneparty.co.uk/>) «Stalin's Antibureaucrat Scenarios» (<http://www.oneparty.co.uk/index.html?http%3A//www.oneparty.co.uk/html/sasbsum.html>).

лин не был ни посредственностью, которой его делал старый стереотип, ни просто политическим карьеристом, который рвался к власти, эксплуатируя свое право назначать кадры в качестве Генсека ЦК партии. *«Не то чтобы назначение и смещение кадров его мало касалось, дело в том, что он стремился неустанно выполнять функцию лидера».* Мысль эта совсем не нова.

Большинство серьезных ученых буржуазной школы отвергают «медииократический» взгляд² на Сталина, высказанный Троцким. В своем предисловии Такер изображает Сталина человеком, движимым одним мотивом - жадностью власти, и этот взгляд, по-моему, прямо противоположен той точке зрения, которую пытается защитить Ли. Согласно последнему, Сталин должен был разделять ответственность и управление с другими лидерами партии, по Такеру же, Сталин был заинтересован только лишь в своей личной власти. Ли доказывает, опираясь на письма, что активное участие Сталина в делах других стран не вяжется с образом изоляциониста, заинтересованного лишь в «социализме в одной стране». Изоляционистский образ есть еще один взгляд, культивировавшийся Троцким. Ли пишет: *«Письма показывают, что Сталин не делал резкого разделения между интересами мировой революции и интересами Советского государства».* Ли показывает также, что эти письма дают нам неоднозначное представление о Сталине как о лидере. Он считает, что Сталин не может быть правильно понят вне «антибюрократического сценария». Так что временами серьезная и честная буржуазная академическая наука идет впереди некоторой грубой левацкой пропаганды. В чем же состоял в действительности, «антибюрократический сценарий», и Сталин ли является его автором? Согласно Л.Т.Ли, «антибюрократический сценарий» есть одновременно теоретический взгляд и практический подход к управлению. К примеру, он пишет: *«Мой*

аргумент вкратце состоит в следующем - Сталин имел осознанный и последовательный подход к управлению, который я бы назвал «антибюрократическим сценарием». Для Ли конструктивной частью антибюрократического сценария было то, что сценарий позволял Сталину *«использовать свои безусловные качества лидера, чтобы при принятии решений добиваться поддержки Политбюро».* Ли объясняет, что *«антибюрократический сценарий Сталина также подразумевал непрерывную борьбу с классовыми врагами различных типов и оттенков».* По его мнению, *«сценарий нашел выражение в злых и мстительных качествах личности Сталина».* Представляет интерес точка зрения ученого, *«что антибюрократический сценарий Сталина толкал его на сокращение административного аппарата, временами граничащего с его разрушением».* Это потому интересно, что по Троцкому, основная роль Сталина состояла в защите бюрократии³.

Ученый считает, что детали антибюрократического сценария *«могут быть найдены в опубликованных речах Сталина, а письма к Молотову показывают, как Сталин руководствовался этим сценарием в повседневной работе».* Ли доказывает, что Сталин наследовал Ленину, выявляя два важных условия управления: «подбор кадров» и «проверку исполнения» политических директив. Он пишет, что для Сталина *«Основная угроза заключалась в низком уровне культуры в России, которая заставляла рабоче-крестьянскую власть полагаться на множество «классово-чуждых элементов» из прослойки госслужащих».* И поясняет: *«Для уяснения эмоциональной силы этого взгляда, мы должны представить антибюрократический сценарий во всем его драматизме: целеустремленные, но наивные коммунисты сражаются с искушенными в софистике, изворотливыми бюрократами, ко-*

2. Медииократия – «власть посредственности». Троцкисты, спекулируя на малоизвестности Сталина в партии, представляли Сталина как человека без каких-либо способностей, противопоставляя его громким именам Троцкого, Зиновьева и пр.
3. Представление о том, что Троцкий боролся именно с бюрократией, действительности не соответствует. Характерной чертой администрирования самого Троцкого было раздувание управленческих штатов. Это проявилось, например, на Южном фронте, когда Троцкий создал в Козлове громоздкую и забюрократизированную штабную структуру, оторванную от фронтов на 100-200 км. В дискуссии о профсоюзах Троцкий уже подводил под бюрократизм идеологическую базу, говоря о необходимости прямого государственного управления всеми сферами деятельности. Собственно «борьбу с бюрократизмом» Троцкий начал только после того, как от занятия бюрократизмом отстранили самого Троцкого – вопрос о бюрократии стал инструментом борьбы за политическую власть в СССР, позже был подхвачен последователями Троцкого, ибо под борьбу с бюрократизмом было очень легко маскировать присущий оппортунистам анархизм и фракционность.

торые пытаются их обмануть и коррумпировать... Первые открытые выступления Ленина в борьбе против бюрократической болезни связаны с учреждением Рабоче-Крестьянской Инспекции. Декретом от 7 февраля 1920 г. был образован Народный комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции, сокращенно Рабкрин, с целью борьбы против разрушительных проявлений бюрократии, которую коммунистический режим унаследовал с царских времен. Сталин был назначен главой РКИ в 1920 г. Ленин придавал огромное значение Рабкрину, Ли говорит, что «Ленин строил по поводу Рабкрина амбициозные планы и рассматривал его как инструмент участия масс в управлении». Но, как бы то ни было, Рабкрин в этом качестве провалился. РКИ была поражена той же болезнью, против которой была призвана бороться: т.е. бюрократией и интригами в аппарате. Сталин лишь номинально руководил Рабкрином, когда Ленин заострял на РКИ внимание⁴.

Сталин полагал, что его руководство Народным комиссариатом РКИ используется троцкистами для его дискредитации. Например, троцкист Р.Блэк пишет: «Три прошлых года были для Сталина одной длинной чередой неудач и разложения, процесс кульминировал в своей политической неприглядности в глазах Ленина, и наконец, привел к окончательному позору с ухудшением отношений между ним и основателем большевистской партии»⁵.

Ленин спрашивал: «Выполнил ли Рабкрин свою задачу и свой долг? Вот основной вопрос. И ответ на него можно дать отрицательный». Но, как бы там ни было, те, кто поспешат обвинить Сталина в состоянии дел комиссариата, должны иметь в виду, что Ларс Ли замечает при этом: «Хотя Сталин и был номинально руководителем РКИ, другие его обязанности во время Гражданской войны препятствовали тому, чтобы Сталин уделял этому много времени.» Р.Блэк также подтверждает это: «на XI съезде весной 1922г. на Ста-

лина были возложены дополнительные обязанности как Генерального секретаря» Ли дополняет: «Сталин покинул Рабоче-Крестьянскую Инспекцию в 1922 г., когда принял пост Генерального секретаря». Иными словами, никто не сможет серьезно воспринимать утверждения, что Сталин был ответственен за провалы в конкретном учреждении, призванном бороться с бюрократией. Назначенный руководить этим департаментом, Сталин был загружен другими обязанностями, и его руководство в этом комиссариате было номинальным. Рабкрин показал, что большевики начали сталкиваться с проблемой бюрократии, и Ли доказывает, что в сталинском представлении о классовых конфликтах бюрократия, особенно высшая, играла роль классового врага, иными словами, врага народа и революции в государственных и партийных учреждениях. На 12-м съезде в 1923г., который был последним при жизни Ленина, Сталин произнес речь, нацеленную против бюрократии, в которой коснулся ленинских предложений по улучшению государственного механизма. Сталин говорил, что Ленин⁶ «хочет добиться того, чтобы в стране не осталось ни одного сановника, хотя бы самого высокопоставленного, по отношению и которому простой человек мог бы сказать: на него управы нет.»

Ли пишет: «Годы спустя, в середине 30-х гг., в СМИ возобладает убийственная версия этой популистской риторики» Этот период «красного террора», как буржуазные историки называют период чисток в партии и госаппарате от классово-чуждых элементов, относимых к врагам народа. Троцкий, кроме других допущенных им ошибок, осуждал чистки. Он неправильно также истолковывал причину чисток в партийных, государственных, культурных и военных организациях - в своей манере, которая определяла его взгляды относительно Сталина. По мнению Троцкого и его сторонников, чистки шли справа. Но все же даже по теории антибюрократического сценария Ларса Ли лег-

4. Работы Ленина «Лучше меньше, да лучше» (http://www.proriv.ru/articles.shtml/lenin?better_less_but_better) и «Как нам реорганизовать Рабкрин» (<http://www.proriv.ru/articles.shtml/lenin?rabkrin>) можно прочитать на нашем сайте.

5. Р.Блэк «Сталинизм в Британии» (Black, R., Stalinism in Britain, London, 1970.)

6. Полностью цитата звучит следующим образом «В предложениях тов. Ленина есть ещё одна сторона. Он не только добивается того, чтобы аппарат был улучшен, и руководящая роль партии была усилена максимально, - ибо партия строила государство, она должна и улучшить, - но он имеет в виду, очевидно, и моральную сторону. Он хочет добиться того, чтобы в стране не осталось ни одного сановника, хотя бы самого высокопоставленного, по отношению и которому простой человек мог бы сказать: на него управы нет.» [ППС И.В.Сталина, том 5, стр. 209, «Организационный Отчёт Центрального Комитета РКП(б)» <http://www.petrograd.biz/stalin/5-2.php>].

ко увидеть, что чистки главным образом были направлены против правых. Перед серией чисток в середине 30-х Сталин в речи на Пленуме ЦК в апреле 1929г. сказал:

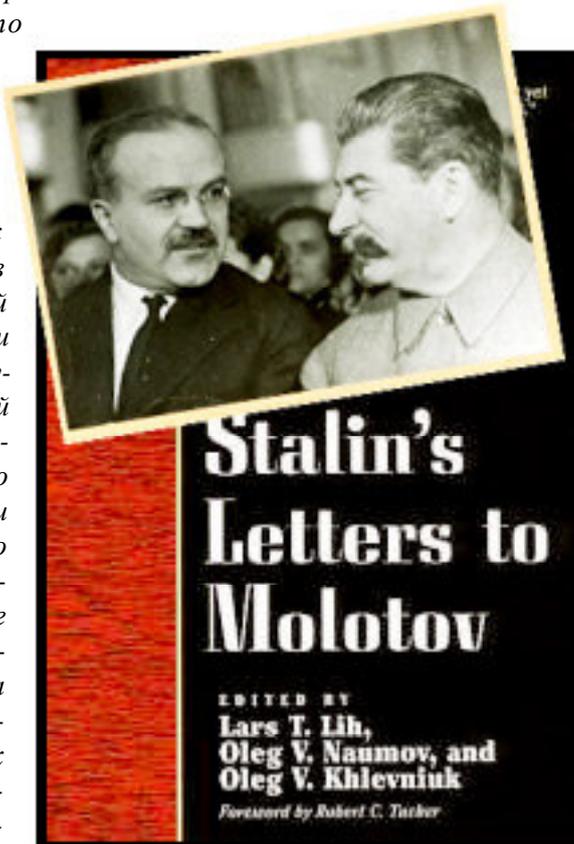
«Наконец, вопрос о лозунге чистки партии. Было бы смешно думать, что можно укрепить наши советско-хозяйственные, профсоюзные и кооперативные организации, можно очистить их от скверны бюрократизма, не отточив самую партию. Не может быть сомнения, что бюрократические элементы живы не только в хозяйственно-кооперативных и в профсоюзно-советских организациях, но и в организациях самой партии. Если партия является руководящей силой всех этих организаций, то ясно, что чистка партии представляет то необходимое условие, без которого не может быть проведено до конца оживление и улучшение всех прочих организаций рабочего класса. Отсюда - лозунг о чистке партии.»⁷

В любом случае на том взгляде, что Сталин оперировал идеями, структурно основанными на антибюрократическом сценарии, сошлись все буржуазные ученые, представленные в серьезной академической литературе. Серьезные исследования выявляют основную политическую ориентацию чисток, т.е. ее направленность против правого крыла. А последнее включало в себя и всех тех, кто входил в альянсы с правыми. Это явление получило известность как право-троцкистский блок. По Ли, коренным содержанием сталинской версии антибюрократического сценария было то, что враги революции, все, кто симпатизировал старому общественному строю, ци-

тируя Сталина *«проползали, проникали на наши заводы и фабрики, в наши правительственные учреждения, предприятия железнодорожного и водного транспорта, в колхозы»*. Ли говорит, что Сталин спорил с теми людьми в партийном руководстве, кто *«...думал, что классовая борьба отмирает с тех пор, как классовый враг потерпел поражение в открытой борьбе»*. Ли доказывает, что для Сталина те, кто поддерживал подобные взгляды *«...*

либо разложились, либо лицемерят: они должны быть исключены из партии, их самодовольная обывательская поза должна быть заменена революционной бдительностью». Сталинские речи того времени говорят *«о той эмоциональности, которую Сталин вносил в антибюрократический сценарий»*. Это очень интересное замечание, придающее больший вес утверждению, что оппозиция бюрократии, или, по крайней мере, ее негативным чертам, была фундаментальна и внутренне присуща мировоззрению Сталина. Хотя Ли и не марксист-ленинец, эту идею он твердо проводит через всю свою статью.

Говоря о негативных чертах бюрократии, нельзя не заметить, что сталинские взгляды по этому вопросу не были стихийными и односторонними. Ли утверждает: *«независимо от возрастания давления и навязчивости риторики, фундаментальные воззрения представляют собой следующее. В своей основе система хороша, проблемы проистекают от враждебно настроенных личностей внутри самой системы и их способности к одурачиванию разными путями преданных партии революционеров, и только объединенное руководство, избавленное от колебаний, может бороться с бюрократией.»* Сталин хорошо осознавал опасность проблемы преодоления негативных черт бюрократизма. На 15 съезде ВКП(б) в декабре 1927 года в политическом докладе Сталин говорил:

7. (ППС И.В.Сталина, том 12, стр. 13 «О правом уклоне В ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г.» <http://www.petrograd.biz/stalin/12-9.php>)

«Если считать, что у нас имеется не менее 60 тыс. наиболее активных работников, разбросанных по всяким хозяйственным, кооперативным и государственным учреждениям и борющихся там с бюрократизмом, то надо признать, что часть из них, борясь с бюрократизмом в этих учреждениях, иногда сама заражается бюрократизмом и привносит его в партийную организацию. И это не вина, товарищи, а беда наша, ибо, пока есть государство, этот процесс будет продолжаться в большей или меньшей степени.»⁸

Возвращаясь к Сталину и вопросу руководства, Ли четко дает понять, что принципы «подбора кадров» и «проверки исполнения решений» суммируют сталинскую политику в отношении правительственных учреждений. Под этим он имеет в виду, что было недостаточно правильно выбрать кадры для выполнения поручений, но и было необходимо убедиться, что директивы были выполнены. К примеру, в письме Сталин хвалит Молотова по результатам его поездки в Донбасс, угольный регион, которую тот совершил в 1930 году. Он писал: *«Ваша работа в Донбассе проделана хорошо. Выполняя задание, вы показали себя примерным ленинцем. Если можно, разрешите поздравить вас с этим успехом».* В самом деле, в 1930 году Сталин предложил учредить исполнительную комиссию, аргументируя это тем, что *«без подобной авторитетно и оперативно действующей комиссии мы не сможем пробиться через стену бюрократизма и халатности наших бюрократов».* Ли далее оговаривает, что *«... тот комиссариат был учрежден в конце 1930г., но из этого ничего не вышло»*, отмечая при этом, что *«Согласно сталинскому антибюрократическому сценарию, причиной невыполнения директив была классовая враждебность бюрократии»*, из чего Сталин, по его мнению, делал вывод, что *«Если проблема заключается в осознанном или неосознанном саботаже, репрессии могут частично решить*

этот вопрос». Ли доказывает, что *«кадры подбирались по принципу отбора и назначения наиболее компетентного сотрудника»* Но при этом применялась как бы «моральная мерка». Нужны были руководящие работники, которые выполняли бы руководящие директивы как свои собственные и не развращались под влиянием «буржуазных специалистов». Если же эти руководители были не на высоте, моральная оценка *«могла легко обратиться разочарованием и мстительной яростью».* Ли, исследуя отношения между антибюрократическим сценарием Сталина и его функциями политического лидера, заключает: *«Любой политик, который пытался управлять громоздким государственным аппаратом, должен был в той или иной мере применять некоторую разновидность антибюрократического сценария».* При этом он ссылается на книгу Ричарда Ньюштадта «Президентская власть», который раскрывает этот же механизм на примере аппарата президентской власти в США. В случае Сталина *«мы должны добавить к этой позиции руководство страной, где происходили государственно регулируемые революционные преобразования».* Не забывает он и о том, что *«Сталин был вынужден управлять страной с чиновничьим аппаратом, возможность однозначно доверять которому была весьма сомнительна, и еще более сомнительной была компетенция этого аппарата».* Это приводило к перестановкам руководящих кадров и большой подозрительности в отношении кадров. *«Так что антибюрократический сценарий отображал данную структурную реальность».*

На этом стоит остановиться. Данное положение опровергает взгляд, исповедуемый некоторыми писателями и публицистами, что сталинские чистки были неоправданными. Из той картины, которую обрисовал Ли, следует, что чистки имели под собой классовое основание и были отчаянным шагом против тех, кто постоянно подрывал нормальную работу правительственного аппарата. Антибюрократический сценарий, и, следовательно, враж-

8. Полностью цитата: «Второй недостаток. Он состоит в перенесении метода администрирования в партию, в замене метода убеждения, имеющего решающее значение в партии, методом администрирования. Этот недостаток представляет не менее значительную опасность, чем первый недостаток. Почему? Потому, что он создаёт опасность превращения наших партийных организаций, являющихся организациями самостоятельными, - в пустые канцелярские учреждения. Если считать, что у нас имеется не менее 60 тыс. наиболее активных работников, разбросанных по всяким хозяйственным, кооперативным и государственным учреждениям и борющихся там с бюрократизмом, то надо признать, что часть из них, борясь с бюрократизмом в этих учреждениях, иногда сама заражается бюрократизмом и привносит его в партийную организацию. И это не вина, товарищи, а беда наша, ибо, пока есть государство, этот процесс будет продолжаться в большей или меньшей степени. И именно потому, что этот процесс имеет некоторые корни в жизни, именно поэтому необходимо нам вооружиться для борьбы с этим недостатком, подымая активность партийных масс, вовлекая их в решение вопросов нашего партийного руководства, насаждая систематически внутрипартийную демократию и не допуская замены метода убеждения в нашей партийной практике методом администрирования.»

(ППС И.В.Сталина, том 10, стр. 332, «Политический отчёт Центрального Комитета XV съезду ВКП(б)» <http://www.petrograd.biz/stalin/10-13.php>)

дебность Сталина к бюрократии были естественным результатом враждебности разных отрядов бюрократии делу социализма.

Так что реальность, пожалуй, слабо согласуется с взглядами, проповедуемыми троцкизмом, что связь сталинского руководства и советской государственной бюрократии была гармоничным единством, также как и не согласуются претензии Троцкого представить себя в качестве «чемпиона по борьбе с бюрократией». На самом деле, в противоположность троцкистскому взгляду, бюрократия, или большая ее часть, была с помощью террора вынуждена уступить реализации социалистических целей. Понятие «сталинская бюрократия», удобное средство пропаганды антисталински настроенных теоретиков из числа «левых», была мифом, сфабрикованным Троцким. В действительности же бюрократия и буржуазные специалисты были не более настроены «просталински», чем проленински. Ли показывает, что Сталин *«создавал свою версию антибюрократического сценария не в вакууме, так что мы должны воспринимать Сталина как большевика»*. Сталинский взгляд на бюрократию берет начало с первых же дней революции, так как до Октябрьской революции и после нее большевики обвиняли в экономическом саботаже как капиталистов, так и бюрократов. На более поздней стадии рабочие стали обвинять в своих проблемах «советскую буржуазию» - термин, который Сталин был вынужден использовать для характеристики ситуации. По поводу этого Ли поясняет: *«Сталин мог с полным правом использовать ленинский авторитет, который также рассматривал публичную власть (управление) как драматичную борьбу с классовым врагом»*. Таким образом, сталинский антибюрократический сценарий, по крайней мере, его частная версия, была основана на большевистских традициях, отраженных во взглядах Ленина, который подчеркивал негативное влияние бюрократов на коммунистов. Когда Ленин выдвинул лозунг «контроля за исполнением» и «подбора кадров» в 1922 г., он придавал значение тому, что *«борьба между двумя непримиримо враждебными классами переместится в государственные органы»*. Ясно, что у Ленина определенно был свой антибюрократический сценарий, перенятый Сталиным, но в послереволюционных работах Ленина не так много материала, в котором госаппарат понимался в терминах бюрократизма, и это проходило бы красной нитью. Но важно то, что Ленин видел связь этого явления с мелкобуржуазным окружением. Замечание Ленина о борьбе двух непримиримых классов, которая появляется внутри государственного аппарата, очень показательна. В этой фразе важно сло-

во «появляется». Оно показывает, что Ленин еще не добрался до существа вопроса. Возможно, это произошло потому, что проблема была еще несколько завуалирована, т.к. на этой стадии бюрократия должна была сама консолидироваться. На этом основании Ли пишет, что *«антибюрократический сценарий был выведен из опыта, накопленного всеми большевистскими лидерами»*. И этот опыт, пережитый им, укрепил взгляды Сталина по этому вопросу. Антибюрократический сценарий был важным аргументом Сталина, когда он пытался получить поддержку от остальных членов Политбюро и мобилизовать партийные ряды против бюрократии. *«Письма показывают, как Сталин сделал этот сценарий точечным стимулом для своих коллег»*.

Причиной этого было то, что одним из главных вопросов для Сталина, выделяя его из ряда других лидеров, был вопрос контроля за аппаратом. *«Антибюрократический сценарий Сталина вырос из его восприятия этого вопроса»*. Этот сценарий рассматривал правительство в качестве сцены, на которой происходит вечная битва между хорошими намерениями и злой волей саботажников, подрывающих дело. По Ларсу Ли этот взгляд был присущ людям наподобие Сталина, которые *«расположены видеть мир в жестких и мрачных тонах»*. Так как он ранее доказал, что реагировал в своих взглядах и действиях на политическую реальность, то нам кажется необходимым проработать эту точку зрения. В конце 20-х сворачивание НЭПа и проблемы, порождаемые всеобщим наступлением на капитал - индустриализацией и коллективизацией, попытка модернизировать Советский Союз в минимально короткие сроки, безусловно, очень остро ставила вопрос о бюрократии. По выражению Ли, *«Интенсивность эмоциональности, которую он вносил в сценарий, убийственно возрастала»*. Неудивительно, что, начиная с Ежова, руководители комиссии по чисткам были известны своей ненавистью к бюрократам. Рассказывают истории о том, как Ежов готовился к большим чисткам, буквально баррикадируя себя в НКВД. Антибюрократический сценарий имел свои корни в советской действительности, а не наоборот - по Ли, сам сценарий стал для Сталина автоматическим ответом, *«т.к. как только что-либо шло не так, как надо или же раздражало Сталина, как сценарий вступал в действие и Сталин рассматривал своих бывших товарищей как инфицированных классовым врагом, своего рода зрячь, нечистоплотный запах, который надо разогнать»*.

Ли поднимает вопрос о том, насколько глубоко сталинский ответ бюрократии был индивидуальным качеством Сталина, а, следовательно, произвольным, так как советское руководство позже также

сталкивалось с бюрократической проблемой. Так *«Леонид Брежнев столкнулся с теми же структурными проблемами, но реагировал на это совершенно иначе»*. И это не удивительно, так как и Советский Союз к тому времени также изменился. Одной из причин этого является то, что, несмотря на то, что структурные политические реалии, в сущности, не изменились, цели руководства не остались неизменными. И ревизионистские кадры (КПСС - пер.) были в корне отличны от сталинских, и Ли аргументирует, что поэтому они совершенно по-иному интерпретировали ту же самую политическую действительность в своем сознании и, объясняя Сталина, мы должны принимать в расчет индивидуальную политическую психологию и культуру. По взглядам Л.Т.Ли, *«Когда Сталин рассматривал проблемы в свете антибюрократического сценария, он не выдвигал его от себя лично, некоторые версии сценария, особенно в отображении [классового - пер.] заражения, были каноническими для большевистской политической культуры»*. Это проявлялось даже в том, что Рыков, который был правым, когда взялся защищать некоторых специалистов *«признал, что среди них были и требующие внимания органов»*. При этом Ли упоминает, что несмотря на то, что другие руководители следовали или понимали сталинский взгляд на роль бюрократии в подрыве правительственных решений, *«не каждый большевик вносил в сценарий такой эмоциональный накал, и он во многом обусловлен психологией Сталина»*.

На этом моменте читатель может задаться недоумением - возвращается ли Ларс Ли к утверждениям тех буржуазных авторов, которые выдвигали тезис, что «Сталин был безумен». Но нам кажется совершенно бесплодным разговор о его психологическом состоянии, если мы не принимаем во внимание его политическую компетентность. Возможно, что в сравнении со Сталиным его коллеги проигрывали и не осуществляли с тем же напором антибюрократический сценарий из-за своей недостаточной марксистской грамотности. Ли сам утверждает, что *«антибюрократический сценарий дает ключ к пониманию роли Сталина»*. С одной стороны была партия, а на другой - бюрократы и буржуазные специалисты, и для Сталина *«бюрократия представляла мелкую буржуазию и являлась источником распространения заразы среди партийного руководства»*. Это означа-

ло, что он с полным правом мог *«интерпретировать отклонения в работе как результат саботажа и набрасывался на него с убийственным гневом»*. Другими словами, по Ли получается, руководствуясь антибюрократическим сценарием, выработанным всей политической культурой большевиков, Сталин поддерживал своих коллег в борьбе против реальных или мнимых врагов. Кроме этого, Ли объясняет, что *«Антибюрократический сценарий был мостом между Сталиным эпохи НЭПа и Сталиным времени всеобщего наступления [на капитал - пер.]»* В оба периода Сталин боролся против тех, кто подрывал директивы центрального руководства, но в период всеобщего наступления сценарий был развернут с *«гораздо большим напором или же проведен другим способом»*. *«Сущностная составляющая осталась той же самой, изменился лишь эмоциональный накал»*. Таким образом, по Ли, сталинский антибюрократический сценарий объединяет такие измерения Сталина как руководителя - как большевистскую политическую культуру в конкретной ситуации и в применении к конкретному человеку. По Ли, *«большее количество руководителей высшего звена используют ту или иную форму антибюрократического сценария, но сталинская версия выростала из опыта большевистской партии и коллективного отражения этого опыта»*.

Рассматривание бюрократии как реального или потенциального политического врага, саботирующего политические и экономические директивы правительства было присуще не только Сталину, и это объясняет, почему коллеги Сталина находили его аргументы достаточно убедительными. Это давало ему основание мобилизовать как партийное руководство, так и партию в поддержку своей борьбы с конкретными бюрократами. Интерпретация Сталина, данная Ларсом Ли на основании писем Сталина к Молотову, привела его к теории антибюрократического сценария, коренным образом отличающейся от гораздо более известных концепций в определенных кругах левых, с рядом положений которой мы не можем не согласиться. И, безусловно, *«образ Сталина, выявляющийся в письмах, приведет к ряду академических дебатов»*. Ли должен бы был сказать, «буржуазных академических дебатов», так как марксисты-ленинцы уже знакомы с образом Сталина как борца с бюрократией, хотя эта тема все еще остается неизвестной большим группам левых.

КРИТИКА

«СОЦИАЛИЗМ С РУССКИМ ЛИЦОМ» И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

ЧАСТЬ III

Виктор ЗАРЕЧНЫЙ

В прошлых номерах нашего журнала (№3 (21) 2008 и №1 (22) 2009) были помещены первая и вторая части статьи В.Заречного «**«Социализм с русским лицом» и его обитатели**», в которых рассматривались философские и экономические воззрения современных антимарксистов. Сегодня мы предлагаем нашим читателям заключительную часть, посвященную интерпретации «рабочего вопроса» этими господами.

Медленным шагом, робким зигзагом

Изучая сочинения экономического характера представителей рассматриваемого направления лжесоциалистической «мысли», можно часто встретить ставший избитым призыв строить многоукладную экономику. Передовиками в этом деле являются авторы статей газеты «Правда», предлагая многообразие мыслей на счет «обустройства России». Такое многообразие социальных проектов не случайно, поскольку развитие разных регионов страны не было однородным. О различиях упоминается почти в каждом сочинении, посвященном экономике России. Но, упоминая об этом, большинство авторов не придают ему должного значения, подменяя серьезное рассмотрение вопроса рассуждениями «вообще» о полезности/бесполезности разнообразия способов хозяйствования вне истории, как будто

речь идет о достоинствах искусственного осеменения или воспроизводства традиционным «дедовским» способом. Стыдливые ревизионисты и матерые националисты не находят ничего лучшего, как пересказывать старые анекдоты о «традиционном общинном менталитете русского народа».

Но прежде чем обратиться к «общине», посмотрим, как «русские социалисты» решают «рабочий» вопрос и что они думают о рабочем движении. Дело в том, что наши «левые» оппортунисты почти ничего содержательного не говорят, отделяясь болтовней о «классовой борьбе». В отличие от них правые более откровенны, их стоит процитировать. «*Положение рабочих, так же как и других классов населения, нуждается различных улучшениях*»¹. И

1. «Социализм с «русским лицом». А.Елисеев, стр.34.

далее принимаются разъяснять, какими «улучшениями» они собираются обрадовать:

«Тихомиров видел связь между улучшением материального благосостояния рабочих и осознанием ими необходимости служения русским православно-монархическим идеалам. Согласно ему рабочий, в отличие от сельского жителя, имеет больше возможностей для приобщения к достижениям городской цивилизации, среди которых выделяется просвещенность и вытекающее из нее умение сознательно формулировать политическую позицию. Однако рабочий находится в тисках эксплуатации, не позволяющей ему воспользоваться этими благами в должной мере. Поэтому, рассуждал бывший народник Тихомиров, надо смягчить эксплуатацию, дав рабочему достаточно времени, чтобы он мог стать «сознательным борцом за русские идеалы»².

В этих «улучшениях» весь мелкобуржуазный реформизм, мечтательность интеллигента. Стоит отметить, как родственен ему «экономизм» наших «левых» оппортунистов, мечтающих о мелких улучшениях благосостояния рабочих и верующих в способность рабочих сформировать собственную политическую позицию самостоятельно. А задача «русского социалиста» – *«плотно заниматься хозяйственными вопросами», «ставить успехи промышленного развития в прямую зависимость от повышения благосостояния трудящихся» и «порицать предпринимателей за недостаточное понимание таких простых вещей».* Эти мещанские пошлости можно встретить в изобилии в любом нынешнем «социалистическом» издании, начиная с зюгановских газет и заканчивая сочинениями «главнокомандующего» г-на Мухина. И г-н Елисеев ставит подножку ревизионистам, наконец-то сказав правду: *«Подобные воззрения нашли свое отражение в программных документах многих монархических организациях».*

Но что такое мелкие социал-реформистские требования «борцов за рабочее дело» по сравнению с «патриархальными положениями рабочей

платформы»? Даже «рабочие съезды» современных левацки настроенных оппортунистов меркнут перед картинами некоего «Московского съезда русских людей!» Елисеев описывает такой съезд:

«Московский Съезд русских людей выступил за установление церковной опеки над рабочими. Он призвал развивать религиозное обучение в фабрично-заводских школах, создавать особые приходы для рабочего населения и активнее бороться с просоциалистическими сектами (имеющими влияние на пролетариат). Кроме того, предлагалось обеспечить рабочих церковной литературой. Делегаты съезда в своем коллективном постановлении отмечали: «Христианское государство не может ни на одну минуту забывать о том, что человек живет не для стяжания одного лишь материального прибытка... но что он должен жить жизнью духа...» Они особенно возмущались желанием некоторых «прагматиков»-предпринимателей уменьшить количество праздников за счет увеличения количества рабочего времени»³.

И в качестве авторитета приводит высказывание господина Галковского, которое по достоинству смогут оценить рабочие современной капиталистической России. Елисеев умиляется от этого «патриархального» анекдота:

«Высшая форма русского труда – труд религиозный, монашеский. Это единственный вид «второстепенного», но своеобразного труда, именно труда-послушания... Да русские на заводах могли бы вообще бесплатно работать, если бы индустриализацию проводили люди, знающие Россию. Как пошли бы на конвейер с иконами да хоругвями, с песнями... И ничего странного, в Японии, по другим причинам, в ином качестве, но сходно поступили... Да и в России, только уже вывернутой, советской, как опошление...»⁴.

2. «Социализм с «русским лицом». А.Елисеев, стр.35.

3. «Социализм с «русским лицом». А.Елисеев, стр.37.

4. «Социализм с «русским лицом». А.Елисеев, стр.38.

В этих словах мечта эксплуататоров всех времен и всех народов – заполучить послушных, одуроченных религией бесплатных работников. Но чтобы не казаться чересчур прямолинейными, и Галковский, и лебезящий перед его «авторитетом» Елисеев делают грязненький намек на некомпетентность советского руководства в годы сталинской индустриализации. В этом они полностью сомкнулись с «левыми» оппортунистами, считающими сталинские пятилетки неким опощлением своих «рреволюционных идеалов». По поводу «гулагов», принудительного труда в сталинские годы еще будет разговор. А пока стоит заметить, что в лексиконе антикоммунистов (и лжесоциалистов в том числе) отсутствуют слова «историческая необходимость», «классовое сознание» и «трудовая дисциплина».

Чем еще в идейном арсенале «русских социалистов»? Елисеев находит «весьма любопытным» прожекты по «оземеливанию» российской пролетариата. . . *Государство первойшей своей заботой должно поставить предотвращение возможности превращения всего русского рабочего класса в безземельный пролетариат*. Очень остроумная идея – заставить рабочих трудиться и на фабрике, и на индивидуальном клочке земли. Эту идею воплотили прежние ревизионисты под флагом «дачного движения», когда провалили свою продовольственную программу под разговоры о богатой и сытой деревне. То, что эта идея не содержит ничего коммунистического (и лишена научного содержания), очевидно:

«Союз «Белое знамя» ставил благосостояние рабочих в зависимость от благосостояния деревни. Его идеологи утверждали, что богатая и сытая деревня «перестанет высылать на фабричный рынок массу конкурентов», и это поднимет заработную плату естественным путем, а кроме того, сократит продолжительность рабочего времени»⁵.

Не менее трогательно выглядит «забота» о других классах, которую Елисеев счел бюрократической оговоркой. На самом деле все сочинение Елисеева по отношению к рабочему классу насквозь фальшиво и написано в буржуазном

духе. *«Монархисты уверенно заявляли – забастовки ущемляют интересы потребителя. Именно на него промышленные предприниматели и перекладывают свои убытки, получающиеся в результате уступок рабочим».* Автор совершенно бездумно пересказывает байки буржуазных писателей: *«При появлении стачек и забастовок, все крупные мануфактуры, без всяких еще союзов получили за истекший год, как видно из отчетов, основательные барыши; а пострадал мелкий промышленник».* Или пускается в морализаторство:

«Националистическая газета «Вече» подошла к проблеме забастовок с социально-нравственной стороны, осветив такое явление, как рост пьянства, неизбежный в случае прекращения работ. Само пьянство неизбежно ведет к перекладыванию любого излишка в карман трактирщика и т.п. «благодетелей». Некоторые консерваторы даже упрекали забастовщиков и стоящие за ними левые силы в тайном сговоре с крупным капиталом или с некоторыми его представителями, использующими социальный протест для осуществления олигархических намерений».

Елисеев потчует читателя рассказами о том, как Савва Морозов потратил 3 млн. рублей на революционное движение. Действительно, с точки зрения защитника эксплуататорских классов такой поступок фабриканта – предательство своих собратьев по классу и коварный удар в спину. Но история знает другой, более «ужасающий» пример ... некоего Ф. Энгельса, назначившего своему гениальному другу достойную пенсию. Не будь такой поддержки, коммунистическое движение не смогло бы воспользоваться тем самым знаменитым снарядом, пущенным в голову буржуа. Но Энгельс хотя был и немец, но был свободен от мещанских предрассудков, и равнодушно относился подобным вопросам, считая для русских естественным кого-либо одалживать, а уж тем более революционеров.

Но ни работы К.Маркса, ни произведения Ф.Энгельса, ни историю их жизни, ни положения марксизма в целом Елисеев не потрудился изу-

5. «Социализм с «русским лицом». А.Елисеев, стр.39.

чить, а предпочел довериться мнению такого «знатока» марксизма: «По мнению Буланова, самих левых подобное сотрудничество устраивает еще и по стратегически важным соображениям. Ведь усиление буржуазии и концентрация капитала являются, в соответствии с учением Маркса, Энгельса и т.д. «непременным условием для возможности решающего социального переворота»⁶. Останемся на этом утверждении, которое совершенно противоречит марксизму и демонстрирует невежество как самого Буланова, так и «доверчивого» Елисеева. В противном случае последний бы потрудился привести цитаты из работ марксистов, что он не делает и не сможет сделать, появившись у него такое желание и добросовестность, поскольку никакая концентрация капитала сама по себе еще ни к каким социальным переворотам не ведет. И собственно сами социальные перевороты (как и революции) не являются конечной целью марксизма, поскольку марксизм – это, прежде всего, научное мировоззрение, а не свод наукообразных сочинений с обилием «купюр» и разного рода искажений. И, прежде всего, именно такое мировоззрение, широко распространенное среди рабочих, становится непременным условием для коммунистической революции.

Вот что пишет настоящий В.И. Ленин, а он, безусловно, один из самых талантливых учеников и Маркса, и Энгельса:

«Политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу ВСЕГО русского рабочего КЛАССА, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящегося. Основой этой деятельности служит общее убеждение

марксистов в том, что русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России»⁷.

Ленин определенно говорит о преодолении стихийности, раздробленности, примитивизма в борьбе рабочего класса ПРОТИВ буржуазного режима, говорит ЗА ликвидацию порядков, основанных на угнетении трудящихся. Елисеев обманывает читателя, пытаясь выставить марксистов пособниками буржуазии.

Но откуда взялась фраза о «концентрации капитала»? Ленин продолжает:

«Естественный — потому, что эксплуатация трудящегося в России повсюду является по существу своей капиталистической, если опустить вымирающие остатки крепостнического хозяйства; но только эксплуатация массы производителей мелка, раздроблена, неразвита, тогда как эксплуатация фабрично-заводского пролетариата крупна, обобществлена и концентрирована [Вот где появляется концентрация, и речь идет именно о концентрации фабрично-заводского пролетариата, а не только о концентрации капитала! - прим. В.З.]. В первом случае — эксплуатация эта еще опутана средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми привесками, уловками и ухищрениями, которые мешают трудящемуся и его идеологу видеть сущность тех порядков, которые давят на трудящегося, видеть, где и как возможен выход из них. Напротив, в последнем случае эксплуатация уже совершенно развита и выступает в своем чистом виде без всяких запутывающих дело частностей. Рабочий не может не видеть уже, что гнетет его капитал, что вести борьбу приходится с классом буржуазии. И эта борьба его, направленная на достижение ближайших экономических нужд, на улучшение своего материального положения, — не

6. «Социализм с «русским лицом». А.Елисеев, стр.42.

7. В.И. Ленин, ПСС. Т. 1. стр. 309.

избежно требует от рабочих организации, неизбежно становится войной не против личности, а против класса, того самого класса, который не на одних фабриках и заводах, а везде и повсюду гнетет и давит трудящегося. Вот почему фабрично-заводский рабочий является не более как передовым представителем всего эксплуатируемого населения, и для того, чтобы он осуществил свое представительство в организованной, выдержанной борьбе, — требуется совсем не увлечение его какими-нибудь «перспективами»; для этого требуется только простое выяснение ему его положения, выяснение политико-экономического строя той системы, которая гнетет его, выяснение необходимости и неизбежности классового антагонизма при этой системе. Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы»⁸.

Итак, речь идет именно о ликвидации буржуазной системы, а не о попытках добиться небольших улучшений материального положения фабрично-заводских рабочих. Социал-демократы ленинской эпохи обращаются к рабочему классу как к классу-могильщику старого общества, как к классу-освободителю всех других угнетенных слоев дореволюционной России. Речь идет о том, чтобы фабрично-заводской рабочий осознал в полной мере свою историческую роль, осознал действительное значение высшей стадии развития капитализма, и нет ни единого слова сочувствия этой высшей стадии развития капитализма (не говоря уже о призывах перейти к этой высшей стадии, «поддержать» концентрацию капитала, «помочь» буржуазии пролетаризировать трудящихся и т.д., ибо таких призывов, да еще и в виде «положений учения» не было).

Ленин выступает против буржуазии, но делает ее без напыщенного сентиментального пустословия, а трезво и обстоятельно показывает, как развитие капитализма приближает ликвидацию капиталистических порядков не по прихоти того или иного сочинителя социального проекта. Он объясняет:

«Во всех остальных местах, при низших формах развития капитализма, нет этих материальных условий: производство раздроблено на тысячи мельчайших хозяйств (не перестающих быть раздробленными хозяйствами при самых уравнивательных формах общинного землевладения), эксплуатируемый большей частью владеет еще крошечным хозяйством и таким образом привязывается к той самой буржуазной системе, против которой должен вести борьбу: это задерживает и затрудняет развитие тех социальных сил, которые способны ниспровергнуть капитализм. Раздробленная, единичная, мелкая эксплуатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности объединиться, поняв, что причина угнетения — не та или другая личность, — а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплуататором, объединяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу. На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность»⁹.

Но Елисеев о рабочем движении предпочитает черпать сведения не из произведений чело века, посвятившего себя без остатка делу пролетарской революции (и знакомого с «рабочим вопросом» не понаслышке). Из пыльного исторического небытия он извлекает очередного «эксперта» и бездумно цитирует:

8. В.И. Ленин, ПСС. Т.1. стр. 310.

9. В.И. Ленин, ПСС. Т.1. стр. 311.

«Сахарнов ссылался на опыт Англии, где забастовочное движение только способствовало объединению капиталов. Он предсказывал заключение в будущем прочного союза рабочих объединений и капиталистов для совместного выкачивания средств из всей остальной России, потребляющей промышленную продукцию»¹⁰.

Помог ли этот английский опыт «эксперту»? Сбылись ли его предсказания? Об этом Елисеев предпочитает промолчать, отделяваясь уклончивыми фразочками: «*И в самом деле, наиболее продвинутые круги буржуазной олигархии вполне могли использовать забастовочное движение себе же во благо*»¹¹. Господин «исследователь» и сам не может определиться, где заканчивается «некоторая правота монархистов», и где начинаются домыслы о сговоре «плутократов» и революционеров. «*Но рабочих правые так и не убедили. А все из-за того, что отказались решительно выступить против капитализма, что требовала от них сама логика традиционализма.*

Возможно, что последовательный антикапитализм помог бы вызвать устойчивое доверие к ним рабочих»¹². Но тогда почему рабочих смогли убедить большевики?

Ответ на этот вопрос кроется в недостатке «логики традиционализма», поскольку реакционные учения оставляют немало всевозможных лазеек для фантазий и невежественного самолюбования. Елисеев демонстрирует своих авторитетов не с самой лучшей стороны, описывая знакомство их с рабочим классом на примере Тихомирова:

«Примечательно, что он оценивал традиционалистский потенциал рабочих выше крестьянского. «Рабочие это

мой самый близкий класс, - признавался он. – Я крестьян мало знаю [но берусь судить о крестьянах, о крестьянской общине, - прим. В.З.] и не сумел бы с ними сойтись. А рабочие мне – свои люди». Тихомиров возлагал большие надежды на чисто профессиональное движение рабочих, противопоставляя его социалистическому, идею которого создал не рабочий класс, а лагерь международной революционно-социалистической интеллигенции»¹³.

Здесь Тихомиров и Елисеев на свой лад повторили то, что делают точь-в-точь наши «левые» и правые оппортунисты, которые посылают пылкие комплименты по адресу профсоюзных вождей и преклоняются перед любым проявлением политической беспринципности.

Действительно, марксизм – продукт интеллигенции, своим появлением обязан ее передовым представителям, обладающим должным научно-теоретическим уровнем. Он привносится в рабочую среду извне, как привносятся знания арифметики или

письма. Тихомиров, выступая против научного социализма. Тем самым «традиционалистская логика» оборачивается ворохом цеховых привычек, предрассудков мелкого производителя, невежеством в общественных науках (и в естественных тоже), и как следствие – верой в царя, в бога, в вечные истины. И Тихомиров, и цитирующий его Елисеев, благословляют невежество, поскольку сами травмированы этим недугом. «Тихомиров неразрывно связывал интересы рабочего движения и государства, которое и хотят уничтожить социалисты, заменив его самим классом рабочих (в нем сольются другие социальные группы), который останется без естественного регулятора»¹⁴. Ка-

10. «Социализм с «русским лицом». А.Елисеев, стр.42

11. «Социализм с «русским лицом». А.Елисеев, стр.43

12. «Социализм с «русским лицом». А.Елисеев, стр.43

13. «Социализм с «русским лицом». А.Елисеев, стр.43.

14. «Социализм с «русским лицом». А.Елисеев, стр.44.

ких социалистов имел в виду Тихомиров, господин-«исследователь» не потрудился уточнить, равно как привести соответствующие высказывания этих загадочных персон. Читатель, хорошо знакомый с марксистской литературой, может видеть изъян в понимании сути диктатуры рабочего класса. Этот изъян характерен для большинства буржуазных писателей. Но будем справедливы к Тихомирову: «Он считал большой ошибкой опасливое отношение царского правительства к профсоюзным организациям, представляющим опасность лишь в случае установления над ними контроля со стороны революционной интеллигенции»¹⁵. Здесь Тихомиров оказал неплохую услугу буржуазии, подсказав об опасности полного влияния коммунистической партии в профсоюзных организациях. Беспартийный профсоюз буржуазии неопасен. В дополнение к Тихомирову призваны и другие антикоммунисты:

«Монархист В.Новгородцев также выступал за профсоюзы, очищенные от грязной накипи, и считал, что «рабочие сумеют самостоятельно, без «товарищей» хлопотать законными путями об улучшении своего положения». Его единомышленник Соболев отмечал необходимость создания рабочих союзов с целью увеличения сбережений, покупки важных вещей, взятие денег в долг с небольшим процентом»¹⁶.

Вот собственно и все, что смогли предложить рабочему классу старые антикоммунисты «державно-партиотического» посола. И в связи с этим уместно напомнить слова из дореволюционной пародии, известной как «Гимн новейшего русского социалиста»:

В нашей борьбе самодержца короны
Мы не коснемся мятежной рукой,
Кровью народной залитые троны
Рухнут когда-нибудь сами собой.
Высшей политикой нас не прельстите
Вы, демагоги трудящихся масс,
О коммунизмах своих не твердите—
Веруем в мощь вспомогательных касс.
Если возможно, то осторожно
Шествуй вперед, рабочий народ!

Рассмотрение позиции «русских социалистов» по отношению к рабочему классу, классовой борьбе и к осуществлению диктатуры рабочего позволяет судить о том, какого качества этот «социализм с русским лицом». Впрочем, Елисеев и сам признает, что дальше болтовни, прожектерства и организации малочисленных проправительственных профсоюзов дело не двинулось. Фабрично-заводской пролетариат в основной массе, в конечном счете, пошел за большевиками, которые изначально выбрали верный путь и последовательно этот путь показывали массам. В 1894 году В.И.Ленин совершенно четко и определенно излагал свой план:

«Когда передовые представители его [рабочего класса, - прим. В.З.] усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»¹⁷.

Читатель может сравнить ленинский подход к историческим задачам и перспективам рабочего движения, и «подход» буржуазных литераторов. Нынешние последователи «друзей народа» столетней давности сделали шаг назад еще дальше по сравнению с народниками. Если среди народников ренегатство в тихомировском духе было нечастым случаем, то со временем реакционное некритическое мировоззрение привело сторонников этого течения в основной массе на открыто контрреволюционные позиции.

И нынешние «левые», и правые оппортунисты только с виду кажутся оппозиционными. В основных моментах и, прежде всего, в вопросах рабочего движения они встают на сторону бур-

15. «Социализм с «русским лицом». А.Елисеев, стр.44.

16. «Социализм с «русским лицом». А.Елисеев, стр.45.

17. В.И.Ленин, ПСС. Т.1. стр. 311.

жуазии, какой бы «патриотической» риторикой, показным антикапитализмом и сверхрадикальными заявлениями это не маскировалось. Большинство современных «русских социалистов» не имеет никакой внятной позиции в отношении современных рабочих по причине собственной мировоззренческой узости. В результате огромные слои угнетенных трудящихся остаются в сознании оппозиционеров неким «народом» без определенного политического лица, а то и вовсе оказываются «протестным электоратом», не-классом, «населением России». Именно мировоззренческая узость большинства нынешних сочинителей политической литературы позволяет им высказывания об отсутствии рабочего движения, о потребности «осовременить марксизм», снабдить научный социализм вычурными украшениями или наоборот упаковать огромный объем пищи для ума в куцее «руководство по коммунизму для рабочих». Такие брошюры – любимое занятие «народных трибунов», вызванное отнюдь не аскетизмом. Выражаясь словами К.Маркса, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Из этого непонимания следует выдумка об отсутствии «проявлений» рабочего движения в России, классовой борьбы, а далее – поиск иных путей, беспринципность и заискивания перед врагами рабочего класса.

Но обратимся к истории. Коммунистическая программа Маркса выработана была им еще до 1848 года, когда не было еще готовенького пролетариата. Социал-демократическое рабочее движение развернулось десятилетиями позже, когда марксизм уже оформился как течение, а развитие крупной промышленности привело к появлению массы носителей и распространителей нового мировоззрения. Точно также дело обстояло и в царской России, и в Китае, и во многих других странах. Социалисты проделали огромную работу по приданию сознательности и организованности рабочего движения, поэтому попытки выстроить профсоюзное движение в виде аполитичных, беспартийных организаций – типичная утопия мелких буржуа¹⁸.

Дело в том, что исторической наукой не установлены факты свободы развития профсоюзного движения от влияния тех или иных политических течений. Даже зубатовские профсоюзы дореволюционной России были орудием политической борьбы царизма против проникающей и распространяющейся в рабочей среде социал-демократии. В.И.Ленин защищает Маркса от попыток оппортунистов исказить его подлинное мнение:

«По его взгляду, будто бы организация и обобществление рабочих происходят сами собой и, следовательно, дескать, если мы, видя капитализм, не видим рабочего движения, так это потому, что капитализм не выполняет миссии, а не потому, что мы слабо еще работаем над этой организацией и пропагандой среди рабочих. Эту мещански трусливую увертку наших самобытных философов не стоит и опровергать: ее опровергает вся деятельность социал-демократов всех стран, ее опровергает каждая публичная речь какого угодно марксиста»¹⁹.

Современная практика, о которой ведется немало разговоров на заседании любого «союза рабочих», отнюдь не показывает отсутствие рабочего движения. Но говорит о слабом и узком понимании теории Маркса большинством ее нынешних толкователей.

Как неоднократно твердили марксисты, история постоянно предъявляет человечеству ранее неизвестные новые грани общественных явлений. Поэтому основной задачей **подлинных** социалистов всегда была и будет разработка наиболее подробного и целостного понимания русской истории и действительности, раскрытие конкретнее всех форм классовой борьбы и эксплуатации. В дальнейшем потребуются популяризовать эту теорию, принести ее рабочему, должны помочь рабочему усвоить ее и выработать наиболее подходящую форму организации для распространения марксизма и сплочения рабочих в политическую силу.

18. Не так давно в пылу дискуссии пожизненный комсомолец А.Миронов по вопросу о профсоюзах заявил, что рабочее движение имеет слабые ростки, поэтому нужно не отпугнуть рабочих и оберегать эти ростки от посягательства других политических сил. Такая позиция сродни позиции учителя, который не интересуется, насколько прилежно выучили урок его ученики, а лишь сетует на их трудное детство и особенности родителей.

19. В.И.Ленин, ПСС. Т1. стр. 333.

К сожалению, большинство нынешних «левых» подошли к этому делу не с той стороны и все проделали не в том порядке. Например, часть из них отправной точкой деятельности объявляет «создание общерусской партийной газеты», при этом напирает на форму этого издания, легкомысленно относясь к необходимости разработки понимания вопросов истории и действительности. За это им приходится справедливо получить немало едких высказываний от буржуазных идеологов. Другие предлагают сделать такие издания более упрощенными и даже «прикольными», при этом не задумываются, что увлечение занимательной физикой вряд ли сделает человека знатоком естественных наук, а сочинение анекдотов про буржуазный быт мало способствует развитию литературных талантов. Буржуазная система образования не развивает рабочих, как уже говорилось, не учит учиться, формирует *анти-диалектическое мировоззрение*. Поэтому люди, особенно ярые проповедники «упрощения» теоретического богатства марксизма до десятка фраз, есть опасные враги рабочего движения, союзники и последователи «самобытных философов», реакционных «социалистов», буржуазных идеологов. Наконец, можно выделить и такой распространенный «подход», как плюрализм в отношении позиций различных политических сил, который открывает бескрайнее поле для беспринципности в любом из политических вопросов. В этом случае организаторам подобного «колхоза» становится не до теоретических вопросов – успевай перепрыгать тягло, рассаживать в том или ином порядке «важности» примкнувших к «движению», описывать многочисленные акции, акции и акции своего «хождения в народ». Разумеется, что такое времяпровождение дает повод «вождям» такого «движения» заявлять о своей приверженности к рабочему классу, гуманизме и пламенной любви к «народу». Но почти ни на шаг не приближает к действительному пониманию исторических задач рабочего класса и к их решению.

К чему же приводит подобное «рабочее движение»? Оно приводит, в первую очередь, к бесовскому искажению и сужению марксизма. В практике выливается в предательство интересов рабочего класса. Если для «левых» оппортунистов объектом поклонений является профсоюз, то для правых – община. «Партия се-

редины» по причине беспринципной позиции по старинке цепляется за «советы» (без полного влияния коммунистов в этих советах), находя в этом свои прелести. И не смотря на внешнее различие, здесь есть несомненное сходство. Сторонники подобных воззрений расценивают что профсоюз, что общину не как исторически сложившиеся организации, возникновение, развитие и исчезновение которых обуславливается той или иной степенью развития производительных сил и в соответствии с ней складывающихся общественно-экономических форм. Они рассматривают и профсоюз, и общину (-и советы-) как волшебное *средство* для осуществления своих социальных проектов. Подобный подход не требует разработки целостного и совершенного понимания истории и действительности, позволяя пускаться в маниловщину и сочинять возвышенные и широко-гуманные прожекты для простаков. Поэтому не может не вызывать смеха бывший народник Тихомиров, по-хлестаковски самодовольно утверждающий, что хорошо знает русского рабочего. Не вызывает ни доли уважения и «социалист с русским лицом» Елисеев, берущий в поводыри невежественных писателей, с апломбом «экспертов» рассуждающих о теории Маркса, нисколько не владея этой теорией и рассказывая о марксистах небылицы. Никто из них (-в том числе и ревизионисты Г.Зюганов, Ю.Белов и другие, идейно близкие по взглядам к «русским социалистам», и прикрывающие эти взгляды марксистско-ленинской фразеологией наши «левые» оппортунисты-), не дает утвердительный и ясный ответ на вопрос: в чем же состоит непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к теории Маркса передовых социалистов всех стран, а также вызывает шквал припадков бешенства у представителей буржуазии? Это сила состоит в том, что она соединяет строгую и высшую научность с революционностью внутренне и неразрывно.

Наши «самобытные философы» *не обременены* качествами ученых и революционеров, они не обременяют себя попытками вести за собой массы, суметь объяснить объективно рабочее движение как необходимость, продукт капиталистической системы производственных отношений, содержание борьбы, ход и условия развития. Их задача – удержать рабочих от борьбы, затушевать ее истории, оставить невыяснен-

ным общий характер этой борьбы, извратить историю переходов ее из одной формы в другую и подробности каждой из этих форм. И, в конечном счете, исполнить «благородную» миссию «спасения отечества» от полного и окончательного уничтожения в нем всякой эксплуатации и всякого угнетения.

Подводя итог рассмотрению взглядов «социалистов с русским лицом», хочется отметить еще один интересный момент. Для большинства из них свойственно брать *на веру* любую наукообразную дребедень, из которой они готовят фарш для своих сочинений. Лишь бы эта дребедень хоть как-то могла дать *мораль* против буржуазных порядков для защиты интересов мелкого производителя. Безобразное и неряшливое изложение своих взглядов «социалистами с русским лицом» на рабочее движение почти никак не аргументируется серьезно и не является целостной объективной картиной, а представляет разрозненные тезисы тех или иных буржуазных

идеологов, делающих вид, что «борются» с буржуазными порядками средствами буржуазной системы. Именно такими средствами являются «союзы русских рабочих» религиозно-националистической направленности, артели и разного рода «общины», которые никак не изменяют в корне общественные отношения. Не удивительна малочисленность подобных организаций, непопулярность этих «союзов меча и орала» по причине их несоответствия исторической миссии рабочего класса, узкой прагматической направленности деятельности, отсутствия современного научно-теоретического содержания таких движений.

Нежизнеспособные «проекты» так и остаются хилыми ростками экономической борьбы, которые не встречают ни понимания, ни жалости у современного рабочего класса. Лица, занимающиеся улучшениями положения рабочего класса из сострадания, сами оказались на положении страдальцев.

Апрель 2009

Редакция журнала « Прорыв » :

Мартынов Ю.М.,
Подгузов В.А.,
Петрова О.Б.,
Лбов А.В.

Наши контакты:

Почтовый адрес : 109378
г. Москва, улица Федора
Полетаева, дом 15, корпус 1,
квартира 79, Петровой О.Б.

Электронные адреса:

webmaster@proriv.ru,
petrova@proriv.ru,
kohet@list.ru

Телефоны:

378-37-59 Петрова О. Б.
387-16-00 Мартынов Ю. М.

*Редакция работает на общественных началах.
Рукописи редакцией не рецензируются,
не редактируются, не корректируются
и не возвращаются.*

Посетите наш
сайт в Интернете
www.proriv.ru.

Там вы найдете статьи наших
авторов в рубриках:
экономика, политика,
философия, этика, история,
военные вопросы, рецензии и
критика, политическая
публицистика, юмор, а также
большую подборку
коммунистической музыки,
коллекцию ссылок на
марксистские издания и
библиотеки, листовки по
актуальным вопросам,
исторические документы и
исследования.

На наш журнал и исторический
сборник можно подписаться.
Для этого нужно написать в
редакцию письмо или связаться
с ней по телефону, и с это-
го времени Вы будете полу-
чать наши журналы и/или
сборники по почте или лично.
Цена одного экземпляра жур-
нала или сборника с учетом
почтовых расходов 40 рублей.

Зарегистрирован Центральным
территориальным управлением
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и
средств массовой информации.
Свидетельство о регистрации ПИ №1-
00915 от 20 декабря 2002 г.
Учредитель Петрова О.Б.
Цена свободная. Тираж 1000.
Объем 50 стр. формата А4.
Подписано в печать 25.04.09.